

24410
Книгоиздательство Е. Д. Мягкова „КОЛОКОЛЪ“

~~27958~~
А. Дивильковскій.

Ныхъшжее

крѣпостное право.

Цѣна 15 коп.

С.-Петербургъ.
1906.

Книгоиздательство Е. Д. Мягкова „КОЛОКОЛЪ“.

С.-Петербургъ. Адресъ для тел.: *ПЕТЕРБУРГЪ БИБЛИОТЕКА*

Телефонъ 53—88.

Каутскій. Эрфуртская программа съ тремя предисловіями автора. ц. 20 к.

Каутскій. Общественныя реформы. Соціальная реформа и соціальная революція. На другой день послѣ соціальной революціи. Переводъ Санина, подъ ред. Ленина, ц. 20 к.

Либкнехтъ. Отъ обороны къ нападенію. Переводъ подъ ред. В. А. Поссе, ц. 10 к.

Лассаль. Гласный отвѣтъ Центральному Комитету, ц. 5 к.

Ж. Гедъ. Коллективизмъ. Переводъ подъ ред. Поссе, ц. 3 к.

А. Бебель. Женщина и социализмъ. Полный переводъ съ 34 вѣт. изд. подъ ред. В. А. Поссе, ц. 70 к.

А. Бебель. Будущее общество. Переводъ подъ ред. В. А. Поссе. ц. 10 к.

Лассаль. Программа работниковъ, ц. 5 к.

М. Н. Коваленскій. Изъ исторіи государственной власти въ Россіи, ц. 25 к.

К. Марксъ. 18-ое Брюмера Луи Бонапарта подъ ред. Н. А. Рожкова, ц. 20 к.

Браке. Долой социалдемократовъ! ц. 5 к.

П. Масловъ. Критика аграрныхъ программъ, ц. 10 к.

Науковъ. Къ аграрному вопросу, ц. 10 к.

Кирикъ Левинъ. Первый борецъ за свободу (Радищевъ), ц. 10 к.

Рабочая бібліотека. (Указатель), ц. 5 к.

Н. Н. О пролетарской этикѣ съ предисловіемъ Н. А. Рожкова, ц. 15 к.

Чумаковъ. О налогахъ, ц. 5 к.

Р. Швейхель. За свободу. Романъ изъ эпохи крестьянскихъ войнъ. Переводъ О. А. Аносовой 456 стр., ц. 50 к.

Полонскій. Мѣстное самоуправленіе въ Англіи. Подъ ред. Н. А. Рожкова, ц. 15 к.

Вандервельдъ. Программа Бельгійской рабочей партіи, ц. 3 к.

А. Нѣжескій. Разказы изъ жизни рабочихъ. Переводъ и предисловіе Алексинскаго, ц. 10 к.

Лиссагаръ. Исторія коммуны 1871 года, съ предисловіемъ Мендельсона. Полный переводъ съ франц. подъ ред. прив.-доцента Н. А. Рожкова ц. 80 к.

Гере. Три мѣсяца рабочимъ на фабрикѣ, съ предисловіемъ Антонова, ц. 40 к.

Пролетарій. Соціализмъ «соціалистовъ-революціонеровъ», ц. 10 к.

Кампфмейеръ. Социалдемократія при свѣтѣ исторіи культуры, ц. 20 к.

Каутскій и Шекланъ. Основныя положенія и требованія социалдемократіи. Переводъ подъ ред. Аносовой, ц. 20 к.

24410

Книгоиздательство Е. Д. Мягкова „КОЛОКОЛЪ“.

~~24410~~

А. Дивильковскій.

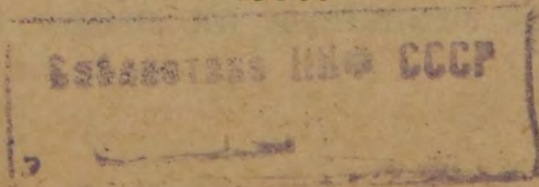

Ныкъшнее

крѣпостное право.

С.-Петербургъ.

1906.

к

Книгопечатательство И. Д. Жаркова, Колоновск

И. Д. Жаркова

Жарковские

Книгопечатательское предприятие

76374

Типография Т-ва „Народная Польза“ Кол. ул., соб. д., № 39.

Нынѣшнее крѣпостное право.

Вотъ уже 45 лѣтъ, какъ русскіе крестьяне освобождены отъ власти своихъ добрыхъ сосѣдей-помѣщиковъ. 45 лѣтъ русскій народъ считается свободнымъ отъ крѣпостного права. Но полно, такъ-ли это? правда ли, нѣтъ больше у насъ крѣпостного права? или же русскому народу 45 лѣтъ назадъ только слегка ослабили подпругу, и онъ, слегка передохнувши, смиренно пошелъ дальше все въ той же крѣпостной упряжкѣ? Вѣдь мало сказать лишь слово «свобода»—надо, чтобы, на самомъ дѣлѣ, пропали всѣ крѣпостныя утѣсненія. А пропали ли они у насъ съ тѣхъ поръ, на самомъ-то дѣлѣ? Разсудимъ это дѣло обстоятельно.

I.

Въ чемъ состояло крѣпостное право?

Крѣпостное право въ томъ состояло, что во всемъ нашемъ государствѣ за людей почитались одни только дворяне-помѣщики. Дворянъ этихъ было на все государство, можетъ быть, какая-нибудь сотня тысячъ человѣкъ, остального же народа—многіе милліоны, но почти что одни только дворяне располагали землей (еще казна да монастыри, лишь немного земли было за вольными крестьянами, купцами, однодворцами, попами и проч.); а вѣдь въ тѣ времена весь народъ только и жилъ отъ земли, только и зналъ, что землю; не было тогда ни фабрикъ такихъ, какъ нынче, ни желѣзныхъ дорогъ, ни большой

торговли. Поэтому и вся сила была у дворянъ, и прочими людьми они управляли такъ, какъ сами желали. Всѣмъ извѣстно, какъ дворяне управляли крестьянами: они заставляли ихъ работать на себя безъ всякой платы, да сверхъ того брали съ нихъ разные оброки и поборы; они судили крестьянъ и рядили по-отечески: всегда дворянинъ былъ правъ, а крестьянина пороли на конюшнѣ или на сѣзжей, сѣкли кнутомъ или плетью, отдавали, по желанью помѣщика, въ военную службу на 25 лѣтъ, ссылали по одному лишь слову помѣщицкому, безъ малѣйшей вины, въ Сибирь. И гдѣ было искать правды крестьянину: вѣдь всѣ суды и все начальство были изъ тѣхъ же помѣщиковъ, или въ ихъ рукахъ, и помѣщикъ за помѣщика горой стоялъ. Да вѣдь оно и понятно: отъ крестьянскаго только несчастья помѣщики могли богатѣть, по тогдашнему времени, и другого средства разбогатѣть для нихъ не было, по всему тогдашнему устройству. Крестьяне были народъ бѣдный, а помѣщику, по его барскому обычаю, много надо было имѣть всякихъ хозяйственныхъ припасовъ и денегъ, и набрать всего этого съ бѣдняковъ можно было только великою обидою да разореніемъ. Оттого помѣщики изстари, отъ отцовъ къ сыновьямъ, и привыкли обижать крестьянъ и свирѣпствовать. Это такъ же было необходимо для хозяйства родовитыхъ баръ, какъ вотъ мужику бываетъ необходимо по зимамъ, для своего хозяйства, ѣздить въ лѣсъ по дрова: не дѣлай онъ этого, и хозяйство у него станетъ, и все прахомъ пойдетъ. Такъ и у старинныхъ баръ была необходимость хозяйственная—мужика всячески притѣснять. Бывали, впрочемъ, за рѣдкость, въ тѣ времена и очень добрые помѣщики, но только у добрыхъ никогда хозяйство не могло столько приносить дохода, сколько у злыхъ; злоба была куда доходнѣе.

Но когда у людей жестокость и злоба становятся дѣломъ привычнымъ, даже почтеннымъ, хозяйственнымъ и похвальною дѣломъ, то, понятно, всѣ другіе люди уже имъ и не кажутся за людей, а просто за вещь. Въ са-

момъ дѣлѣ, покажѣсть я другого челоуѣка считаю за челоуѣка, за такого же челоуѣка, какъ я самъ, то мнѣ больна бываетъ всякая его боль, и всякое его горе мнѣ знакомо, понятно, а оттого мнѣ сейчасъ же захочется облегчить его горе и боль, чѣмъ только для меня возможно. Но, представьте себѣ, если бы помѣщикъ такъ болѣлъ душою за бѣдныхъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, что бы тогда хорошаго было для этого удивительнаго помѣщика? Хорошаго бы ничего для него не получилось, потому что крѣпостныхъ-то у него много, а всѣ крѣпостные—люди бѣдные, бѣднѣй гораздо самого помѣщика; и примись онъ имъ помогать во всѣхъ бѣдахъ, то пришлось бы ему лишиться всего своего хозяйства, которое досталось ему по наслѣдству отъ скопидомовъ-родителей; да, кромѣ того, крестьянъ своихъ онъ вовсе бы пересталъ сѣчь на конюшнѣ, гонять въ солдаты и въ ссылку... Просто сказать, пришлось бы тогда нашему милосердному помѣщику вовсе подѣлать своихъ крестьянъ вольными. А если бы всѣ старинные бары также считали своихъ «подданныхъ», крѣпостныхъ за людей, то—не стало бы и самого крѣпостного права, и была бы уже давно наша Россія—не рабья страна, а вольная, свободная земля.

Однако Россія была тогда вся крѣпостная, помѣщичья, и никогда бы не выйти крестьянамъ изъ помѣщичьей отцовской опеки, если бы дѣла шли по всей волѣ помѣщиковъ; да только вышло иначе. Пока же барская, дворянская воля заправляла еще всей Россіей, то никакъ и невозможно было господамъ дворянамъ считать крестьянина крѣпостного за челоуѣка, во всемъ схожаго съ дворяниномъ. Нѣтъ, крѣпостной крестьянинъ былъ для нихъ, просто, вещь, такой вещь, которая нужна дворянину въ хозяйствѣ, которая своему хозяину бываетъ полезна, выгодна, до поры до времени, но только не такъ ужъ драгоценна. Много вѣдь очень было крестьянъ за помѣщиками, такъ что особенно беречь ихъ было не за чѣмъ: если, на примѣръ, и помретъ какой-нибудь Лаврентъ Бѣликовъ отъ худого обращенія, то лишь бы съ Лавре-

новой работы уже была взята раньше порядочная выгода, — смерти его не так уж жалко, на его мѣсто, можетъ быть, народилось и подросло трое другихъ. Такъ что крѣпостные крестьяне были для господъ—вещь, менѣе дорогая, чѣмъ, напр., хорошій кобель или породистая лошадь. Рѣдкостныхъ собакъ и лошадей помѣщики иногда даже до страсти любили, а крестьянъ, своихъ кормильцевъ, любили ужъ поменьше: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь борзой кобель или породистая скаковая лошадь бываютъ—картинка, заглядѣнье, а мужикъ съ виду—шаршавый, черный, грязный, красоты въ немъ немного.

Разумѣется, помѣщикамъ понятно было, что крестьянинъ, по всему своему устройству,—такой же человекъ, какъ и помѣщикъ: такія же у него руки и ноги, носъ, борода и губы, такая же человѣческая рѣчь и, пожалуй, такая же душа и умъ; но помѣщикъ при этомъ понималъ себя господиномъ, хозяиномъ, который можетъ каждый свой шагъ ступать по своей волѣ, а крестьянину этого нельзя, крестьянинъ можетъ только туда идти, куда его толкнутъ, дѣлать то, что ему прикажутъ. Значить, крестьянинъ—и Ѳедотъ, да не тотъ, и похожъ будто во всемъ на человека, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ—вещь, словно что-то неживое; словно крестьянинъ—самъ не свой, а чей-то чужой. Чувствуя такую разницу между двумя породами людей, бары и считали, что сами они, бары-то—«бѣлая кость», а крестьяне, люди-вещи,—«черная кость». Да вѣдь говорилось уже, что нельзя было барамъ иначе и считать крестьянъ, такъ ужъ выходило по необходимости, по всей ихъ хозяйственной надобности.

Вотъ въ этомъ-то и состояло крѣпостное право, что вся Россія раздѣлилась на двѣ породы людей: сверху было немножко, какъ сливокъ на молокѣ, людей «бѣлой кости», значить, настоящихъ, полныхъ людей, которые—сами себѣ голова, а подъ ними, подъ ихъ ногами—цѣлое море людей-вещей, которымъ и жить-то полагалось только до тѣхъ поръ, пока на то есть воля настоящаго человека-дворянина.

Крестьянинъ былъ вещью — поэтому съ нимъ и поступать можно было такъ, какъ мы поступаемъ съ вещами: вещь можно дарить, закладывать, продавать, обмѣнивать на другія вещи, можно ею баловаться, играть, бросать ее, ломать, разбивать, можно забывать про нее или, напротивъ, заботиться о ней, чтобы отъ нея получить больше удовольствія и выгоды; и, конечно, смѣшно было бы тутъ думать, хотятъ ли вещи, чтобы съ ними такъ обращались, хотятъ ли вещи, напимѣръ, чтобы хозяинъ ихъ разлучалъ другъ отъ дружки, держалъ вмѣстѣ съ какими-либо иными вещами, отсылалъ ихъ вдаль, портилъ ихъ и т. д. Кто изъ насъ спрашиваетъ объ этомъ свои собственные вещи? Конечно, никто, смѣшно даже подумать такую глупость. Вотъ точно такъ же смѣшно было господамъ-дворянамъ воображать себѣ, будто слѣдуетъ обращать вниманіе на желанія или жалобы крестьянъ. Крестьянскія желанія да жалобы казались барамъ даже ужасно неудобнымъ дѣломъ. Подумайте себѣ, читатель, если бы вдругъ ваши какія-либо вещи, напимѣръ, вашъ собственный столъ, ухватъ или часы, стали бы выражать свои жалобы и желанія! Удобно ли бы это для васъ было? Нѣтъ, вы, конечно, огорчились бы отъ этого, подумавши про себя: нынче эти негодныя вещи заявляютъ всякія свои жалобы, а завтра онѣ, пожалуй, перестанутъ и слушаться насъ, станутъ упираться—вѣдь это было бы чистое наказаніе съ ними! Такъ же и помѣщики недовольны были, что ихъ крѣпостные люди-вещи смѣютъ чего-то тамъ хотѣть или о чемъ мечтать. Настоящая, неживая вещь лучше для хозяина, чѣмъ вещь-человѣкъ, она только молчитъ да слушается, никогда не перечитъ ни въ чемъ; а человѣкъ — такая иной разъ досадная вещь, возня съ нимъ! Оттого-то и не любили такъ господа своихъ крѣпостныхъ, они для нихъ были не только вещью—хуже вещи. Оттого-то иногда иной баринъ, къ невыгодѣ своей, засѣкалъ на смерть своихъ крѣпостныхъ людей, вмѣсто того, чтобы продать съ выгодой, или хоть обмѣнять на чернопѣую гончую суку или на красивую трубку для табаку;

терпѣніе иногда терялось у благороднаго владѣльца крестьянъ, и онъ срывалъ свой гнѣвъ, себѣ же въ убытокъ. Впрочемъ, иногда приходилось поступать барамъ такъ невыгодно изъ-за порядка и для страха. Надо было, запоровши одного упрямаго человѣка, нагнать страхъ на всѣхъ прочихъ, чтобы потомъ они ужъ пришли въ хорошій порядокъ, какой полагается совершенно послушнымъ и во всемъ согласнымъ неживымъ вещамъ; а когда люди-вещи станутъ послушны, то и можно съ ними управляться и распоряжаться, словно съ мѣшкомъ угольевъ или вязанкой дровъ—куда хочу, туда и верчу. Хочу,—разлучаю сына или дочь съ матерью, хочу,—женю или выдаю замужъ, за кого знаю, безъ всякаго спросу будущихъ жениховъ и невѣстъ; хочу,—продаю мужа отъ жены; хочу,—закладываю, или перевожу людей за тысячи верстъ въ дальнія мои деревни; хочу,—для баловства моего, обучаю крестьянскихъ босоножекъ-дѣвченокъ всякимъ затѣйливымъ пляскамъ, а когда подрастутъ, сдѣлаю изъ нихъ для себя и для своихъ гостей веселый домъ; хочу,—обучу своего двороваго холопа всякимъ наукамъ, сдѣлаю изъ него доктора, учителя, живописца и проч., а потомъ, для своего удовольствія, стану бить ему морду, заставлю чистить сапоги, или хоть въ солдаты сдать. Вѣдь это все—мои безотвѣтныя вещи, мои подданные—я съ ними и играю, какъ знаю, на то я и баринъ надъ ними!

Все, что здѣсь сказано, все исполнялось, и на самомъ дѣлѣ, въ старинныя, барскія времена. Былъ у крѣпостныхъ какъ будто и свой домъ, и свое поле, и семья, и скотина и проч., но все это было лишь, докудова позволялъ кто-то сторонній, кому въ одинъ часъ можно было, двинувши лишь пальцемъ, уничтожить всю эту крестьянскую собственность и крестьянское счастье. Надъ крѣпостнымъ вѣчно висѣла туча, и вѣчно ждалъ онъ казни, невѣдомо ему, за какія вины. А баринъ надъ нимъ измывался не потому, чтобы баринъ былъ ужъ такой разбойникъ по своему нраву, а просто для улучшенія своей барской жизни или для необходимаго порядка, чтобы му-

жики не зазнавались. Кошкѣ-то игрушки были, а мышкѣ-то слезки.

Однако не въ одномъ этомъ только, не въ одномъ только распоряженіи дворянскаго племени всѣмъ народомъ, будто своею собственною вещью, состояло крѣпостное право. Эта дворянская масляница было только часть, только крѣпкая основа всего того горя, какимъ жила тогда наша порабощенная страна. Крѣпостное право расширяло свои черныя крылья, растопыривало свои лютые когти еще гораздо дальше, давало знать себя и тамъ, гдѣ не стояли даже лицомъ къ лицу другъ съ другомъ злой притѣснитель-помѣщикъ и бѣдный великомученикъ-крестьянинъ. Нѣтъ, крѣпостное право виднѣлось даже и тамъ, гдѣ имѣлъ дѣло крѣпостной мужикъ со своимъ же братомъ крѣпостнымъ мужикомъ; оно и тамъ выворачивалось на свѣтъ, гдѣ вовсе уже мужикомъ не пахло, гдѣ имѣла дѣло между собою одна чистая «бѣлая кость», гдѣ было на взглядъ все такъ пышно и благородно, среди генераловъ, графовъ, князей и министровъ, среди ихъ превосходительствъ да ихъ сіятельствъ. И тутъ сіяло крѣпостное право во всемъ своемъ блескѣ.

Какъ это?—спросить тутъ читатель. Вѣдь крѣпостное право—это, значить, право крѣпости, т. е. собственности на людей; а въ собственность людьми владѣли больше дворяне. Значить, крѣпостное право было право дворянъ на собственныхъ ихъ крестьянъ? Такъ, да не такъ. Уже сказано, что самая-то суть крѣпостнаго права—въ распоряженіи челоуѣкомъ, словно неживою вещью. Вотъ такое распоряженіе, словно вещью, было въ старо-барскія времена и среди самихъ крестьянъ, другъ надъ дружкой, гдѣ только было это возможно для подневольнаго челоуѣка, а также и между «благородными» людьми. Все государство сверху донизу знало въ обращеніи съ людьми одинъ только законъ: согнуть другого въ бараній рогъ, сдѣлать изъ челоуѣка не своего слугу, а, просто, свою вещь, игрушку, или же — тряпку себѣ подъ ноги,

о которую вытирають уличную грязь. Такое ужь было доброе старое время, не тѣмъ будь помянуто!

Но въ чемъ же крѣпостной-то крестьянинъ могъ показать свою волю надъ другимъ крѣпостнымъ? Могъ онъ это дѣлать, прежде всего, въ семействѣ своемъ. Тутъ ужь большакъ, отецъ или дѣдъ-старикъ, командовалъ сыновьями и ихъ бабами и дѣтишками, а также своею женой и, если были, работниками, словно генераль надъ плѣнными непріятельскими солдатами. Чуть что вышло не по приказу большака, такъ онъ пускаетъ въ ходъ тумачи да колотушки, бьетъ веревкой, бьетъ полѣномъ, бьетъ вожжами; женить сыновей, на комъ ему понравится, пропиваетъ дочерей, за кого ему покажется, не спрашивая, желаютъ ли они и не плачутъ ли отъ его родительскихъ милостей. Всѣмъ ихъ заработкомъ и судьбой большакъ распоряжался, какъ ему выходило по мысли. И опять-таки не потому такъ дѣлалось въ крестьянской семьѣ, чтобы злость какая особая была въ старинныхъ людяхъ, а оттого просто, что въ тогдашнія времена, при большой бѣдности крестьянъ, да еще при работѣ на помѣщика, хозяйство только и можно было содержать и размножить большою семьей, а чтобы въ большой семьѣ не пошли раздоры да ссоры, надобна была власть большака надъ всѣми. Большакъ же былъ въ отвѣтъ за все свое гнѣздо передъ помѣщикомъ, онъ и командовалъ зато всѣми. Такая же точно мужицкая команда надъ своимъ братомъ-крѣпостнымъ происходила всюду, гдѣ только помѣщики или начальство устанавливали отъ себя надзоръ за порядкомъ среди своихъ «подданныхъ». Такъ командовали своими сосѣдями разные бурмистры, старосты, приказчики, ключники и прочая приближенная къ барину челядь. Они командовали тоже частью изъ усердія, чтобы угодить барину, частью для своей пользы, потому что мужику тоже однимъ только притѣсненіемъ тогда можно было разбогатѣть да, можетъ быть, послѣ того, выйти на волю.

Однако, какъ сказано, и дворяне обращались, высшіе съ низшими, нисколько не лучше, чѣмъ съ крѣпостными.

Генераль, министр или богатый князь, просто, ни во что ставили разную дворянскую или чиновную мелкую сошку, считали ихъ наравнѣ со своими крѣпостными лакеями, а то и хуже. Они стояли за дворянъ мелкопомѣстныхъ лишь въ томъ случаѣ, когда дворянамъ сопротивлялись въ чемъ-либо крестьяне. Тутъ ужъ было все равно, правъ ли крестьянинъ или нѣтъ, дворянинъ, хоть будь онъ душегубъ и завѣдомый грабитель, всегда получалъ защиту, а крестьянамъ его всегда доставалось за то, что посчитали себя выше дворянской вещи. Но когда такого дѣла не было, такъ тотъ же дворянинъ оказывался въ родѣ собственной вещи знатнаго человѣка. Знатный человѣкъ тогда держался такого правила: хочу казнь, хочу милую, и никто цыкнуть не смѣй. И миловалъ онъ тѣхъ изъ числа низшихъ людей—все равно, дворянинъ или не дворянскаго корня,—кто служилъ ему безпрекословно и вѣрно, какъ служить человѣку его сапогъ или ружье на охотѣ, словомъ, кто былъ его прихлебателемъ, наушникомъ, его цѣпною собакой. Такіе послушные люди-вещи сами нерѣдко выбивались послушаніемъ въ знатные господа и тогда, своимъ чередомъ, помыкали множествомъ дворянъ и чиновниковъ. Строптивымъ же людямъ, хотя бы изъ очень благородныхъ, тогда подчасъ худо приходилось, а строптивостью считались всѣ собственныя мысли и желанія. Кто не соглашался быть вещью знатнаго человѣка, тому грозила опала, ссылка, иной разъ и отдача въ солдаты, и Сибирь, и кнутъ—все то же самое, что полагалось непокорному крѣпостному крестьянину.

Понятно, что при такомъ распоряженіи людьми, самые знатные господа считали ужъ все государство, кромѣ себя да еще двухъ-трехъ самыхъ знатныхъ же семействъ, за свою собственную вещь, и на свѣтѣ существующую лишь для ихъ выгоды и для ихъ забавы; и вотъ они всѣмъ огромнымъ народомъ играли, словно деревянной игрушкой, и безъ всякой совѣсти грабили и обирали всѣхъ людей и казну. То же самое дѣлали ихъ любимцы и лакеи, а за ними—и любимцы любимцевъ, и лакеи лакеевъ, за-

правлявшіе полиціей, судами, палатами и приказами. Только стонъ стоялъ по всей нашей родной странѣ отъ этихъ правителей и отъ ихъ лихоимства и кривосудія. Словно навсегда исчезла правда изъ нашей земли, и она какъ будто въ плѣнъ попала злымъ разбойникамъ. А на самомъ-то дѣлѣ, не отъ злости все дѣло было, а отъ цѣлаго устройства; при такомъ устройствѣ изстари, люди, родясь на свѣтъ, уже видали кругомъ себя одно крѣпостное право и только имъ однимъ умѣли строить свое благополучіе. Что же могъ сдѣлать со всѣмъ громаднымъ устройствомъ одинъ какой-нибудь человѣкъ? Передѣлать всего онъ не могъ, помирать тоже не хотѣлось, вотъ и дѣлалъ за другими такъ, какъ весь порядокъ указывалъ. Потомъ входилъ во вкусъ, становился золь и безжалостенъ съ людьми, привыкалъ драть съ живого и съ мертваго, и гнать, какъ бунтовщика, всякаго, кому такой порядокъ приходился не по душѣ.

Отъ самаго верхняго человѣка до нижняго, все наше государство стояло тогда на крѣпостномъ правѣ, всѣ были или злыми господами, или чужою, безсловесною вещью, лакеями, рабочей скотиной.

II.

Освобожденіе крестьянъ и новые порядки.

Настало такое время, когда отъ живой, людской собственности выгода сильно пошла на убыль. Какъ это случилось? Случилось это такъ, что помѣщикамъ стало требоваться гораздо больше денегъ противъ прежняго, хлѣбнаго времени. Въ самое старое крѣпостное время и помѣщики, какъ крестьяне же, жили отъ милостей земли: насобиравши съ крестьянъ да со своихъ полей, крестьянскими руками, всякаго земледѣльческаго запаса—больше всего, конечно, хлѣба, потомъ овецъ, свиней, куръ, яицъ, льну, конопли, шерсти, готовыхъ полотенъ и сукна отъ крѣпостныхъ женщинъ, сѣна, лѣсу и проч., они все это

потомъ потихонечку и проживали—просто сказать, изо всего этого ѣли, пили, одѣвались, обувались и веселились. Только давно это время прошло, было оно еще при московскихъ царяхъ, когда и дворяне жили по черному. Съ Петра Перваго пошло по иному: пришлось нашему народу во всемъ тянуться за чужими образованными народами; дворянамъ же понадобилось чистой жизни—одѣваться, обуваться и ѣсть, пить по новому, соблюдать по дому хорошій порядокъ, чистоту и красоту. А ужъ этого всего невозможно было, просто, набрать у крестьянъ или хотя бы сдѣлать мужицкими руками; на все это потребна была уже не чернорабочая деревенщина, а тонкіе мастера, ученые по заграничному; или даже прямо приходилось все покупать у заграничныхъ купцовъ. Понадобились, значить, деньги, особенно же самымъ знатнымъ дворянамъ, которые жили въ столицахъ и служили на царскихъ глазахъ. Тутъ иное платье у придворной красавицы одно стоило порядочной деревни или нѣсколько десятковъ крѣпостныхъ мужицкихъ душъ. Денегъ множество надо было благороднымъ господамъ. И стали они со своихъ крестьянъ выкачивать уже не работу и не хлѣбные и прочіе сырые запасы, а *деньги*. А легкое ли дѣло для лапотника-мужика добыть даже мѣдную копейку—нынче даже, въ наше время, не то, что въ тѣ земляныя да хлѣбныя времена? Началась для крѣпостныхъ новая горькая жизнь, не жизнь, а каторга. Прежде было худо, а настало еще того хуже, прежде у мужика спина трещала на барщинѣ и своя работа стояла попустому изъ-за барской, а теперь затрещала и шкура мужицкая, живо стали мужики разоряться. И чѣмъ больше они разорялись, чѣмъ больше становились нищими, тѣмъ больше лютѣли бары, потому что ихъ нужда въ чистой жизни и въ деньгахъ съ годами не уменьшалась, а все больше росла, мужики же все больше копили недоимокъ.

Никогда крѣпостное право не было сладко для народа, всегда вѣдь тяжело бываетъ для живого человѣка не знать никакой своей воли, но тутъ, примѣрно, лѣтъ 130 и 120

назадъ, при славной царицѣ Екатеринѣ П, начались великія мужицкія страсти по всему нашему государству. Жилъ тогда одинъ добрый человекъ, тоже изъ дворянъ, Радищевъ: не въ примѣръ своимъ благороднымъ братьямъ, онъ очень жалѣлъ крестьянъ, не могъ глядѣть спокойно на ихъ крѣпостную долю, и написалъ про нее цѣлую книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву»; въ этой книгѣ онъ описалъ всѣ ужасы, которые видалъ онъ тогда во всякой губерніи, въ каждомъ селѣ и деревнѣ. И видно было уже тогда, что не можетъ тянуться безъ конца такая мука: вѣдь господа, очертя голову, въ конецъ губили своихъ кормильцевъ-крѣпостныхъ и, рано ли, поздно ли, долженъ былъ настать конецъ дворянскому раздолью, и станеть нечего уже брать съ обобраннаго, словно Сидорова коза, истерзаннаго и изголодавашагося крѣпостнаго. Это было ясно всѣмъ умнымъ людямъ, но дворянскіе заправила государства ничего слышать не хотѣли; вмѣсто того, чтобы послушать добрыхъ совѣтовъ Радищева, его, по царскому указу, сослали въ Сибирь, а книгу сожгли.

Книгу сожгли, да лучше оттого не стало. Дворяне учиняли настоящій разбой надъ крѣпостными. Кромѣ того, и правительству, и казнѣ требовалось тоже все больше да больше денегъ, потому что тогдашнему дворянскому правительству никакъ не приходилось отставать отъ чужихъ, богатыхъ и сильныхъ правительствъ, какъ и русскому дикому барину надо было поспѣвать за заграничнымъ. И правда опять-таки, — невозможно было иначе поступать тогдашнему правительству, если не отказаться отъ всякихъ своихъ благородныхъ правъ и полной команды надъ народомъ. А когда же и какое правительство, по своей охотѣ, отказывалось отъ своего счастья? Никогда этого не бывало... Денегъ на свои заботы казна доставала опять же съ крестьянъ, такъ что надъ крестьянскою головою, кромѣ помѣщичьей опеки, нависла и все тяжелѣй становилась казенная опека. Такъ съ двухъ концовъ и жали изъ крѣпостной души ея послѣдній сокъ.

Пробовали крестьяне помочь себѣ своею силой (еще до Радищева). Разыгрался знаменитый Пугачевскій бунтъ; только онъ не удался. Крестьянъ усмирили, и опять все пошло къ худшему. Дворянамъ вовсе перестало хватать дохода съ обнищавшихъ крѣпостныхъ, и принялись они со всѣмъ усердіемъ закладывать своихъ подданныхъ да свои земли, а деньги проживать; потомъ и закладывать почти нечего стало, принялось множество дворянъ разоряться, и тутъ будто сама судьба ужъ показывала людямъ, что нельзя безъ конца обращаться съ живыми людьми, точно съ неживыми вещами—самому же хозяину придется расплачиваться. Впрочемъ, въ другихъ губерніяхъ для дворянской нужды завелось порядочно фабрикъ, заводовъ и всякихъ промысловъ, сильно увеличилась торговля, и вотъ въ этихъ губерніяхъ крестьяне, оставляя землю, выработывали своимъ господамъ товары на продажу или, уволившись въ заработки, платили оброкъ. Такимъ дворянамъ было лучше и спокойнѣй, но зато, какъ только люди здѣсь оставили барщину, какъ только выпряглись изъ господской лямки, ушли изъ-подъ господскаго глаза, такъ ужъ и крѣпостное право здѣсь ослабло, и стало здѣсь пахнуть уже новыми временами. Такъ что, куда ни кинь, все выходило, что крѣпостному праву—конецъ.

Радищевъ въ своей книгѣ требовалъ снять крѣпостную каторгу съ мужицкихъ горбовъ, требовалъ освобожденія крестьянъ. Его не слушали и погубили. А тутъ, послѣ смерти царя Николая I, даже слѣпому стало явственно, что свѣтъ клиномъ сошелся—освободить крестьянъ надо: надо и потому, что крестьянину послѣдній зарѣзъ пришелъ, и по той причинѣ больше нѣтъ возможности прожить притѣсненіемъ, что казнѣ же все меньше дохода отъ голаго народа. Всѣмъ людямъ въ странѣ нужно стало выйти на новую дорогу. Оттого-то и освободили крестьянъ. Кабы не общая нужда для всѣхъ, такъ развѣ бы кто пальцемъ для мужицкой бѣды шевельнулъ?

Вотъ крестьяне и освободились. Перестали помѣщики

торговать душами, гонять людей, по прихоти, въ Сибирь и въ солдаты, отымать у нихъ все нажитое имущество, устраивать себѣ изъ нихъ забаву. Обо всемъ такомъ помнятъ теперь уже одни старики. Кончилась помѣщичья воля да мужицкая неволя; оттого и говорится, что нынче нашъ русскій народъ—свободный. Только окончательно ли онъ освободился, вовсе ли пропало въ одинъ мигъ все старое крѣпостное право въ нашемъ государствѣ?

Нѣтъ, это не такъ. Слишкомъ долго крѣпостное право правило нашимъ народомъ, слишкомъ много спинь гнулось цѣлые вѣка подъ крѣпостною палкой, слишкомъ крѣпко всѣ люди въ Россіи, отъ самыхъ маленькихъ и до самыхъ большихъ, привыкли считать всякаго человѣка, кто послабѣй, за простую вещь, за какую-то, напимѣръ, свою чашку: кашку слопаль—чашку о полъ. Слишкомъ зашло крѣпостное право у насъ всю нашу жизнь и всѣхъ людей, чтобы могли мы такъ ужъ очень скоро очнуться и вовсе переимѣниться. Нѣтъ, и люди, и государственные порядки не мѣняются цѣликомъ въ одну минуту. Надобно бываетъ много и много лѣтъ, чтобы весь народъ привыкъ во всемъ къ новымъ колеямъ. Много, много надо времени на все это новое, а, главное еще, непремѣнно нужно, чтобы, вправду, кругомъ была забота о новой жизни и новыхъ порядкахъ; надо, чтобы, и въ самомъ дѣлѣ, свобода была всѣмъ такъ дорога, а, въ особенности, правителямъ государства: тогда, конечно, помаленьку всѣ порядки, и всѣ люди, и всѣ мысли ихъ передѣлаются наново, а злая старина, словно прошлогодняя сухая трава, свернется, истлѣетъ и новымъ быльемъ порастетъ.

Но вѣдь у насъ-то было совсѣмъ не этакъ. Разумѣется, помѣщикамъ стало уже невозможно прожить сладко отъ мужицкихъ мученій, правительству невозможно достать съ обнищалаго и замученнаго народа столько денегъ, сколько требовалось ему для содержанія новаго огромнаго войска по новому, заграничному образцу. Поэтому и рѣшено было освободить крестьянъ: со сво-

76374
бодныхъ-моль крестьянъ, съ ихъ новыхъ вольныхъ заработковъ можно будетъ гораздо больше собрать деньгами. Въ самомъ дѣлѣ, оно скоро такъ и случилось. Вѣдь прежде крѣпостные были обязаны неотлучно сидѣть подъ рукой у своего помѣщика да пахать, косить на него; а когда освободились крѣпостные, то съ ними гораздо легче стало дѣло имѣть всякимъ заводчикамъ, торговцамъ и прочимъ капиталистамъ. Бывшіе крѣпостные стали и на бывшихъ-то своихъ помѣщиковъ работать тоже за деньги—такъ денегъ по деревнямъ стало теперь куда больше прежняго оборачиваться. Не то, чтобъ крестьяне богаче стали—ничуть, а только—денежныѣ. Отъ этого стали они больше и покупать всякаго городского товару, стали, на примѣръ, отставать отъ старинныхъ домотканыхъ холстинь и отъ березовой лучинушки, стали одѣваться въ кумачъ и миткаль, а свѣтить въ избѣ керосиновой коптѣлкой. Радости отсюда немного прибавилось, зато денегъ въ оборотѣ прибавилось. И нашлось опять много охотниковъ до трудовой крестьянской деньги, какъ прежде много было охотниковъ до крестьянскихъ душъ.

Тутъ сразу и объявилось, что старины почти никому не хотѣлось уничтожать (кромѣ крестьянъ, разумѣется), а, напротивъ, многимъ хотѣлось, освободивши крестьянъ отъ помѣщиковъ, только тѣмъ еще крѣпче поддерживать старину, всѣ старинные главные порядки. Въ самомъ дѣлѣ, если ужъ уничтожить крѣпостное право, такъ нужно было, значить, чтобы не было больше двухъ породъ людей, двухъ разныхъ сословій въ нашемъ государствѣ—дворянъ-помѣщиковъ, «бѣлой кости», и крестьянъ-лапотниковъ, «черной кости»; нужно было, чтобы помѣщики окончательно лишились возможности распоряжаться крестьянами, какъ своими подданными; нужно было, чтобы каждый человекъ имѣлъ право поступать въ своихъ дѣлахъ только по своему расчету и разумѣнію, а не подъ чужую палку и по чужой брани. Значить, слѣдовало бы, чтобы всѣ люди стали равны по своимъ правамъ, судились и рядились бы по одинаковымъ для

всѣхъ законамъ. Тогда бы и невозможно никому было другого человѣка считать за свою вещь, нельзя бы стало глумиться надъ бѣдою другого. Но ничего такого у насъ не случилось.

Помѣщики остались, какъ и были; по старому, назывались они *первымъ сословіемъ въ государствѣ*; а коли такъ они назывались, то и законы, и всѣ права для дворянъ были особенные: что можно дворянину, о томъ нельзя и думать крестьянину. Правда то, что дворянскія особенныя права теперь были не столько записаны въ книгахъ законовъ, сколько существовали на дѣлѣ; но отъ этого крестьянамъ нисколько не было лучше. И самое важное дѣло было то, что всѣмъ государствомъ управляли, какъ и въ старину, тѣ же дворяне; всѣ министры, всѣ генералы, начальники—все это было дворянство, или же изъ числа дворянскихъ ставленниковъ да послушныхъ приказчиковъ; и всѣ они были между собою—родня, сватья да кумовья, и родствомъ были связаны со всѣмъ множествомъ дворянъ въ Россіи. Понятно, что при такомъ устройствѣ всѣ господа дворяне тянули руку другъ друга и все направляли на дворянскую пользу; крестьяне же всегда оставались въ отвѣтѣ да въ бѣдѣ.

Значитъ, весь главный-то порядокъ въ государствѣ остался крѣпостной,—почти, какъ и въ старину; вся разница была лишь въ томъ, что прежде еще отдѣльно каждый помѣщикъ имѣлъ право распоряжаться своими деревенскими сосѣдями, словно своими лошадьми или курами; теперь же только всѣ дворяне вмѣстѣ, все ихъ благородное сословіе, черезъ правительство, казну да чиновниковъ, распоряжались крестьянской судьбой, какъ хотѣли, у себя же дома, въ своей околицѣ, крестьяне были какъ будто сами себѣ хозяева. Однимъ словомъ сказать, помѣщики потеряли свою власть надъ крестьянами въ своемъ *имѣннѣ*, зато власть эта осталась въ *государственномъ управленіи*. Перемѣна—не такая ужъ великая, какъ думалось въ тѣ времена многимъ простоватымъ людямъ. Все дворянство даже скорѣй получило пользу большую

отъ этой перемѣны, крестьянскій же выигрышъ скоро оказался довольно малъ. Изъ дворянъ, положимъ, часть разорилась при освобожденіи,—да вѣдь они пустились разоряться еще до освобожденья; зато главная часть дворянства получила хорошую поправку.

Впрочемъ, уже во время самаго освобожденья видно было, что отъ крѣпостного права вовсе не хотятъ навѣки отдѣлаться. Правда, въ старое время вся земля почти за дворянствомъ состояла, а крестьянъ, отпускаая на волю, милостиво надѣлили землей; но только эта милость тоже была себѣ-на умѣ: землю давали крестьянамъ именно для того, чтобы они не разошлись вскорѣ по свѣту, у помѣщика же подъ бокомъ было бы довольно своихъ дешевыхъ рабочихъ. Оттого-то и дали освобожденнымъ мужичкамъ надѣлы малые—по 4, по 5 десятинъ, а часто и куда поменьше: съ 3, 4 или 5 десятинъ вѣдь большихъ доходовъ не наживешь, такъ поневолѣ пойдетъ крестьянинъ наниматься или за арендой къ своему же бывшему барину. Да еще дворяне, большею частью, постарались, съ помощью своихъ кумовьевъ - мировыхъ посредниковъ и прочаго начальства, такъ вырѣзывать надѣлы для крестьянъ изъ своего плана, чтобы стѣснить деревенскихъ жителей со всѣхъ сторонъ: въ прогонѣ скота, въ покосахъ, въ выгонахъ и проч. Словомъ, уже напередъ старались такъ обойти мужика, чтобы тотъ поневолѣ пришелъ потомъ кланяться къ помѣщику о надобныхъ ему угодыахъ и арендахъ, да не заламывалъ бы большихъ цѣнъ за работу.

Вотъ какъ освобождали крестьянъ. Сверхъ того, земля надѣлена имъ была вовсе не въ подарокъ *), а за выкупъ, и цѣна земли при этомъ была поставлена не настоящая, а гораздо выше—такъ что господа дворяне съ лихвою получили обратно свои убытки отъ прекращенія крѣпо-

---

*) Были, впрочемъ, въ разныхъ мѣстахъ и даровые надѣлы, зато мѣрою они были въ $\frac{1}{4}$ настоящаго надѣла, т. е. въ какихъ-нибудь $\frac{3}{4}$ —1 дес. во всѣхъ поляхъ. Но это была только еще большая кабала.

стного права, а крестьяне до сихъ поръ по всей Россіи никакъ не могутъ развязаться съ выкупными платежами въ разсрочку (дворяне давно получили отъ казны всю плату цѣликомъ). Да, впрочемъ, вѣдь все, здѣсь рассказанное, само собою понятно. Какъ же вы хотите, читатель, чтобы хозяинъ выпустилъ изъ своихъ рукъ свою собственную вещь задаромъ? Вѣдь это даже обидно для хозяина! Хорошій хозяинъ только тогда и отдаетъ на сторону свою вещь, если ему за нее дадутъ хорошую цѣну, или вообще, если онъ надѣется этимъ путемъ сдѣлать выгодный оборотъ и получить бѣльшую прибыль, чѣмъ отъ той же вещи у себя на рукахъ. Вѣдь множество дворянъ, какъ сказано выше, позаложили да перезаложили свои земли и свои крѣпостныя души, и уже не знали, куда податься; а тутъ вдругъ чистыя деньги свалились, какъ съ неба...

Послѣ того всѣ новые порядки въ нашемъ государствѣ всегда и неспремѣнно отзывались стариною. Новыхъ порядковъ дворянство допустило къ намъ ровно столько, сколько необходимость заставляла. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно ужъ было въ государствѣ все оставить на старой ногѣ, лишь только крестьянами перестали распоряжаться ихъ помѣщики. Нужно было для управленія крестьянами устроить новыя сельскія учрежденія: завели волостныя суды, старшинъ, писарей; придумали новое начальство уѣздное, отъ правительства (исправниковъ, становыхъ, урядниковъ), на мѣсто прежняго уѣзднаго начальства, которое выбиралось самими дворянами, въ помощь себѣ самимъ. Кромѣ того, отъ освобожденія крестьянъ сразу сильно пошла въ ходъ торговля, заводская промышленность и проч., скоро для ихъ надобности настроилось много желѣзныхъ дорогъ, во всемъ государствѣ настало множество новыхъ дѣлъ, заработковъ, занятій, люди перестали сидѣть сиднемъ по домамъ. Вообще, вся жизнь перемѣнилась, стала спорѣй, живѣе, особенно въ городахъ, понадобились и новыя, скорыя суды и земства для приведенія въ порядокъ губерній и уѣздовъ. Потребовалось множество знающихъ, образованныхъ людей для новыхъ

занятій, а правительство передѣлало по новому всю свою армию, звело общую воинскую повинность—словомъ, много пришлось переимѣнить въ государствѣ, по части судовъ, военной, народнаго образованія, земскаго самоуправленія и проч. Главное дѣло состояло тутъ въ томъ, что промышленнымъ, торговымъ и образованнымъ людямъ, даже самому правительству, понадобилось больше противъ прежняго свободы въ жизни; теперь уже невозможно стало, какъ при Николаѣ I, во всемъ надѣяться на послушаніе да на приказаніе: въ новыхъ дѣлахъ требовалось умѣть поступать по своей мысли, по собственному разумѣнію, на свой отвѣтъ. Вотъ тутъ и пришлось немного поступиться старинкой благородному дворянству и дворянскому правительству. Пошли такъ называемыя *реформы*: земская реформа, судебная, школьная, реформа цензурная (стало свободнѣй печатать книги и газеты), воинская. Но только во всѣхъ реформахъ всегда старались соблюдать скупость: не давать слишкомъ много свободы, особенно же крестьянамъ! И чуть только замѣтно становилось, что люди зазнаются, чуть только проявлялась охота поступать по всей человѣческой волѣ, такъ правительство живо напоминало, что людей у насъ, въ Россіи, нѣтъ, а лишь однѣ вещи; если же вещамъ этимъ даны какія-либо маленькія человѣческія права, то только по милости господской и для господской надобности. Реформу сейчасъ же всячески урѣзывали, а людьми давали хорошую острастку. Особенно много людей (изъ образованныхъ) пострадало въ тѣ времена за то, что мечтали крестьянамъ добиться прибавки въ землѣ и въ свободѣ. Много такого народа пропало въ тѣ времена по тюрьмамъ и ссылкамъ. Они мечтали о крестьянахъ, а имъ самимъ показали тутъ, что они—крѣпостные. Они думали о свободѣ настоящей для всего народа, а зато сами получили каторгу.

И, наконецъ, лѣтъ 20 тому назадъ дворянскому сословію, заправлявшему всѣми дѣлами въ государствѣ, окончательно надоѣло, что прочіе люди, которыхъ оно считало

за свои вещи, все не хотят уgomониться, все капризничают и желаютъ поступать по-своему, а не по уваженію къ дворянству. Большая часть дворянскаго сословія, та, которая пробивалась разными способами около казенныхъ хлѣбовъ, порѣшила промежду себя, что лучше будетъ для нея нарушить разные новые порядки и тѣмъ затормозить множеству людей ихъ торговыя и промышленныя занятія, чѣмъ дать этимъ людямъ поблажку и выгодную для нихъ свободу. Такъ порѣшили между собою главные дворяне, за которыми была вся власть въ государствѣ, а прочіе ихъ родственники, друзья и нахлѣбники, конечно, съ радостью ихъ одобрили. И, порѣшивши такъ, стали понемногу сокращать да уничтожать свободу, какая успѣла завестись въ судахъ, въ образованіи, въ печати, въ земствѣ и проч. Всѣ реформы отбирались назадъ. Особенно тутъ пришлось потерпѣть опять-таки бывшимъ дворянскимъ крѣпостнымъ крестьянамъ.

Большая часть дворянства, не глядя на всѣ полученныя льготы и денежныя выгоды, никакъ не могла простить все таки сѣряку-мужику, что онъ вырвался изъ помѣщичьихъ рукъ. Дворяне эти съ огорченіемъ посматривали на то, что тутъ же, за воротами ихъ усадьбы, мужикъ осмѣливается цѣлые дни работать на самого себя, не спрашиваясь барскаго бурмистра; что онъ на свои гроши осмѣливается покупать подарки своей женѣ и ребятамъ въ городѣ, вмѣсто того, чтобы нести каждый грошъ господину. Очень это гнѣвало господь, они считали это просто за дерзость мужицкую, за своеволие. Еще не взлюбили они очень, что земства стали заботиться о грамотѣ для крестьянскихъ ребятъ да объ лѣченьи больныхъ крестьянъ. Вѣдь въ прежнее время объ этомъ никто не пекся, да и не къ чему было: зачѣмъ бы понадобились прежде помѣщику на барщинѣ грамотные мужики? Или зачѣмъ—подумайте, читатель—хозяину бы понадобилось, чтобы его рабочій инструментъ имѣлъ въ себѣ умъ, или шель бы въ починку, если тутъ же, подъ рукой, цѣлый запасъ новыхъ? Конечно, стол-

бовые дворяне и ихъ довѣренныя (такъ называемое начальство, всѣ чиновники) не взлюбили ту народную грамоту и медицину, что все больше увеличивались въ земскихъ школахъ и больницахъ. Земству же поневолѣ приходилось заботиться объ умѣ и здоровьѣ народа. Новыя дѣла и занятія, открывшіяся повсюду, нуждались во множествѣ мелкихъ грамотныхъ служащихъ-приказчиковъ, десятниковъ, артельщиковъ, надсмотрщиковъ, кондукторовъ на желѣзныхъ дорогахъ, вѣсовщиковъ, писцовъ, конторщиковъ, мастеровъ на заводахъ и много другихъ. Вотъ для того и нужны стали школы, и что дальше, то больше. Лѣчить же народъ понадобилось затѣмъ, что здоровые хозяева, конечно, станутъ лучше вести хозяйство, отбывать всѣ повинности, больше будутъ доставлять выгоды для торговли и промысловъ; да кромѣ того, ни для кого не было выгодно, чтобы отъ крестьянъ расходились заразныя болѣзни по всему государству.

Но ни объ чемъ этомъ дворянство знать не желало *); для него гораздо важнѣй было то, что отъ всѣхъ этихъ заботъ, отъ всѣхъ школъ и больницъ народъ привыкаетъ къ хорошей, чистой, образованной жизни, и съ нимъ куда труднѣй становится справляться. Ужъ одного, что на чистую жизнь требуется гораздо больше расхода, значить, челоуѣка, къ ней привычнаго, задешево не возьмешь на работу; да и въ остальномъ онъ гораздо несговорчивѣй и строптивѣй. Все это порѣшили прекратить въ нашемъ государствѣ.

Земство передѣляли, въ земствахъ стало гораздо меньше выборныхъ отъ крестьянъ, а большая часть—отъ дворянъ. У земства, вообще, стало гораздо меньше свободы, а губернатору дана надъ нимъ полная власть. За школами земскими пошелъ строгій надзоръ, а то и вовсе ихъ закрывали, передавали духовенству, которому не очень интересна тоже народная грамота. Стали гнать и земскихъ

---

*) Въ земствѣ тоже служила часть дворянъ, но кое-кто изъ нихъ понималъ, что лучше объ народѣ стараться, чѣмъ его разорять.

врачей, нарушать порядки въ больницахъ. А самое главное, надъ крестьянами поставили земскаго начальника. Земскій начальникъ назначался, сколько лишь возможно, изъ помѣщиковъ и, если можно, такъ изъ окрестныхъ помѣщиковъ; ему отдана власть судить и рядить всѣхъ окрестныхъ крестьянъ, по своему усмотрѣнiю, и присматривать даже за хозяйствомъ каждаго, чтобы-моль не баловался зря. Однимъ словомъ, земскому начальнику дана была почти та же власть надъ крестьянами, какою пользовался прежде помѣщикъ надъ крѣпостными. Когда вводили земскихъ, то министръ Толстой, царскій любимецъ, мечталъ именно вернуть назадъ любезное крѣпостное право. И бѣда отъ земскаго крестьянамъ не столько даже въ его правахъ, которыя записаны въ законѣ, сколько въ его самоуправствѣ. Земскій начальникъ все можетъ себѣ позволить, о чемъ вовсе и не сказано въ законѣ, хоть бы даже противъ закона, потому, во-первыхъ, что онъ—дворянинъ, значить, всюду имѣетъ руку (вѣдь вездѣ въ правительствѣ сидятъ дворяне), а во-вторыхъ, потому, что онъ—сосѣдъ крестьянскій, смежный помѣщикъ, значить, за все-про все можетъ ихъ притѣснять въ арендѣ, выпасахъ, водспояхъ, заработкахъ и проч. Сверхъ того, онъ еще и въ земскомъ собранiи обязательно засѣдаетъ, значить и тамъ можетъ разными способами дѣлать прижимку.

Земскихъ начальниковъ ввели въ 1889 г., тутъ было самое золотое времячко для дворянъ съ освобожденiя крестьянъ. Тутъ дворянамъ пошли разныя милости и щедряя льготы. Для нихъ былъ устроенъ особый Дворянскій банкъ, который изо всѣхъ силъ заботился, чтобы дворяне не теряли своихъ помѣстiй, заложенныхъ и перезаложенныхъ. Банкъ этотъ выдавалъ имъ ссуды, когда, напр., подходила продажа съ торговъ дворянскаго гнѣзда какого-нибудь, или, просто, на улучшенiе хозяйства. Ссуды эти давались за самый маленькiй процентъ (4 и даже 3%), да еще разсрочивались и пересрочивались по просьбѣ задолжавшаго дворянина. А тѣ дворяне, что имѣли знатную родню въ столицѣ, могли получить

еще большія льготы и ссуды. За все тутъ отвѣчала, разумѣется, казна—казна постоянно поддерживаетъ дворянъ, и на такую-то поддержку, за десятки лѣтъ, ушло безвозвратно много милліоновъ денегъ. А такое множество денегъ казна, конечно, собрала съ народа, и собрать-то могла лишь потому, что освобожденіе крестьянъ заставило ихъ гораздо больше противъ стариннаго оборачиваться съ деньгами. Значить, вся эта исторія съ крестьянскимъ освобожденіемъ шла кругомъ на удовольствіе стариннымъ крѣпостникамъ—дворянству. А многіе люди, желавшіе счастья и воли народу, при освобожденіи крестьянъ думали—это на ихъ новой улицѣ праздникъ. Напрасно они это вообразили! Крѣпостники, что дальше, то больше набирались силы отъ тѣхъ самыхъ новыхъ порядковъ, которые будто похоронили всякое крѣпостничество. И если мы оглянемся на недавніе 90-ые годы, то увидимъ, что тогда было для всѣхъ людей, кромѣ крѣпостниковъ-дворянъ и чиновниковъ, гораздо меньше даже возможности жить по-человѣчески, чѣмъ въ 60-ые и 70-ые годы, сейчасъ по освобожденіи крестьянъ.

Такъ что крѣпостное право не кончилось 45 лѣтъ назадъ, а въ цѣлости своей докатилось до самыхъ, до нашихъ дней. Это ничего не значитъ, что нѣтъ у насъ нынче барщины, помѣщичьихъ оброковъ, дворовыхъ лакеевъ и дѣвушекъ. Это ничего не значитъ, потому что, конечно,—времена иныя, и крѣпостникамъ теперь даже не очень выгодны были бы оброки, барщина и дворовая челядь: они больше получаютъ отъ голодной крестьянской аренды да отъ казенныхъ банковскихъ пособій. Гораздо важнѣй то, что и до сихъ поръ съ крестьянами, а затѣмъ и со всѣми прочими городскими обывателями вполне можно обращаться такъ, какъ съ неживою вещью. Еще пока русскіе крестьяне и городскіе обыватели неособенно беспокоили своими собственными желаніями господъ крѣпостниковъ, до тѣхъ поръ господа позволяли народу имѣть свои суды, школы, больницы, гимназіи, университеты. Только господа всегда поггвали, что все такое позволяетъ

лишь до времени, для меньших хлопотъ съ народомъ. Со стороны и казалось, будто въ нашемъ государствѣ тишь да гладь и будто всѣ люди живутъ и двигаются, какъ-никакъ, по собственнымъ желаніямъ. Зато, когда дошло дѣло до большой бѣды, когда весь народъ сильно пострадалъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, а правительство ввязалось въ огромную, дорогую и неудачную войну съ Японіей—вотъ тутъ и вышла наверхъ вся крѣпостная подкладка нашихъ какъ будто человѣческихъ порядковъ. Настала сильная нужда въ перемѣнахъ. Какъ ни старались крѣпостники притѣснить всякій слѣдъ свободы въ крестьянствѣ и во всемъ народѣ, а народу стало невозможно дольше существовать безъ большой свободы. Еще съ освобожденія крестьянъ стало прозябать зерно новыхъ порядковъ; теперь всѣ громко затребовали еще большихъ перемѣнъ. Теперь уже требуются не такія перемѣны, которыя только на пользу старинному крѣпостничеству—нѣтъ, требуются такія, которыя бы навсегда и окончательно подрѣзали корень всему крѣпостничеству. Понятно, что нашимъ крѣпостникамъ эти требованія не пришлись понутру. Кому же охота покидать теплое, насиженное мѣстечко! И на всѣ новыя требованія всего народа крѣпостники отвѣтили тѣмъ, что они всегда держали про запасъ: они рѣшили потряхнуть стариной и показать всѣмъ людямъ въ Россіи, на ихъ спинахъ и бокахъ, что у насъ на дворѣ все еще стоитъ крѣпостное право. Въ отвѣтъ на требованія разныхъ новыхъ свободъ, т. е. настоящаго человѣческаго житья, по вольной волѣ cadaго,—народу отвѣчаютъ крѣпостники: вы всѣ — только наши вещи; всѣ вы только затѣмъ и живете, чтобы намъ съ васъ брать выгоду, какая намъ желательна. А если вы на это несогласны, то вы, значить, негодныя, намъ неудобныя вещи, и такую вещь мы, ваши исконные господа, имѣемъ право разбить, уничтожить, забросить въ сорную кучу, или же, если пожелаемъ, отдѣлаемъ ей бока такъ, чтобы стала для насъ удобнѣй, послушнѣй и выгоднѣй. И, конечно, не могутъ иначе разсуждать люди крѣпостной

косточки, пока они еще — хозяева надъ всею нашею жизнью.

Однако удастся ли имъ и на этотъ разъ обернуть все дѣло въ свою пользу, удастся ли крѣпостному праву еще разъ одолѣть русскій народъ? Это наврядъ. Потому что, съ нашимъ нынѣшнимъ крѣпостнымъ правомъ мы ужъ очень сильно отстали отъ прочихъ, образованныхъ народовъ. При нашихъ застарѣлыхъ порядкахъ, намъ нѣтъ никакой возможности поспѣть за другими народами, и вотъ они стали насъ одолѣвать. Это особенно для всѣхъ стало замѣтно съ недавнюю войну съ Японіей. Разсудимъ же, въ чемъ тутъ было дѣло и почему Японія насъ побѣдила, хотя она много меньше Россіи?..

III.

Война русскаго кулака съ японскимъ смысломъ.

Въ старинное крѣпостное время дворяне, заправлявшіе всѣмъ русскимъ государствомъ умѣли поправлять денежные дѣла казны, когда они ихъ разстраивали, только однимъ способомъ: только тѣмъ, чтобы завоевать новую какую-либо, чужую землю, а потомъ съ этой земли набирать разныхъ даней и поборовъ—все равно, какъ у себя дома господа дворяне собирали всякія дани со своихъ крѣпостныхъ. Да кромѣ того въ завоеванныхъ странахъ раздаривались земли во владѣніе знатнымъ дворянамъ, или казна оставляла ихъ за собою, и на эти новыя земли напускались переселенцы-крестьяне. Такимъ путемъ и земля крѣпче привязывалась къ нашему государству, да и на новыхъ земляхъ народъ больше вырабатывалъ дохода для своихъ господъ.

Такъ что воевать нашему правительству встарину была прямая необходимость: это такъ же для него было необходимо, какъ доброму хозяину увеличивать свое имущество. Это было его доходное ремесло. Не дѣлай этого прави-

тельство, оно не знало бы, откуда достать для казны средства, ослабѣло бы, потеряло бы силу передъ чужими государствами и, пожалуй, растеряло бы изъ-подъ своей власти даже коренныя русскія земли.

Такимъ порядкомъ, по казенной да дворянской надобности, многія сотни лѣтъ наше государство все росло да увеличивалось. Народа въ нашемъ государствѣ, на счастье, всегда было множество, народъ же—все крѣпостной, самый послушный; поэтому всегда у нашего правительства имѣлось подъ рукой огромное и вѣрное войско. А благородные дворяне больше всего на свѣтѣ всегда уважали военное ремесло. Въ самомъ дѣлѣ, немного вѣдь занятія было имъ въ деревнѣ: имъ не зачѣмъ было самимъ вникать во всякій пустякъ по хозяйству, понимать въ пахотѣ посѣвъ и покосѣ, въ жнитвѣ и молотбѣ и проч. Все это за нихъ знали ихъ старосты да приказчики: барину только надо было построже разыскивать со всего управителя, а тотъ ужъ, какъ слѣдуетъ, распоряжался съ мужиками. Хорошій это былъ порядокъ для барина, да одно бѣда—скучный очень. Барину только и оставалось, что лежать на боку, ѣсть и пить. Нѣкоторые дворяне этимъ были, дѣйствительно, очень довольны, и такъ и проводили свою жизнь въ полной праздности; впрочемъ, были у нихъ еще занятія: охота, лошади, собаки. Но только для многихъ дворянъ, которые не были такъ лѣнны, какъ эти, скучно казалось въ деревнѣ. Они уѣзжали служить по городамъ, а еще лучше—въ столицу; но самое пріятное и занятное для нихъ дѣло было — война. На войнѣ ужъ не приходится лежать на боку, да и, коли живъ будешь, такъ не останешься весь вѣкъ на одной ступенькѣ, какимъ-либо степнымъ или лѣснымъ помѣщикомъ—можно отличиться, выйти въ генералы, въ знатные люди, попасть потомъ къ самому царю на глаза, разбогатѣть. Такая приманка всегда гнала множество дворянъ въ военную службу, и во всемъ дворянствѣ въ родѣ праздника считалось, когда начиналась война. Тутъ все сейчасъ зашевелится, всѣ рады: правительство—тому, что будутъ новыя

земли завоеваны, значить, для казны—новые доходы, а дворяне—тому, что наберутся чиновъ, орденовъ и золота. Правда, смерть всегда на носу, но отъ этого—еще интереснѣй, совсѣмъ не то, что сидѣть байбакомъ въ своемъ помѣстьѣ, жирѣть да скучать. О солдатахъ же и не думали—никто тогда не считалъ, сколько погибнетъ на войнѣ этого дешеваго товара.

Надо признаться, что издавна русскія войска и русскіе генералы воевали очень удачно, такъ что государство наше отъ войнъ все увеличивалось и увеличивалось на цѣлыя тысячи верстъ въ длину и въ ширину, на сѣверъ и на югъ, на западъ и востокъ, въ самыхъ холодныхъ странахъ, гдѣ вѣчно-мерзлая земля, и въ самыхъ жаркихъ странахъ, гдѣ снѣга и льда не бываетъ вовсе.

Однако, Россія побѣждала больше необразованные народы—черкесовъ, турокъ, персіянъ, татаръ, китайцевъ. Съ образованными же европейскими народами Россія воевала рѣдко и съ большой осторожностью. Послѣ того какъ побѣдила она образованную Польшу, при помощи двухъ другихъ государствъ—Германіи и Австріи (побѣдѣ надъ Польшей уже больше 100 лѣтъ),—ей пришлось только 2 раза воевать съ образованными народами: одинъ разъ съ Франціей, при Наполеонѣ (скоро тому 100 лѣтъ будетъ)—и тогда Наполеонъ едва не покорилъ всю Россію; насилу, съ большими потерями и расходами, удалось его прогнать обратно. Другой разъ, 50 лѣтъ назадъ, въ Севастопольскую войну, англичане вмѣстѣ съ французами насъ одолѣли—и тогда всѣмъ у насъ стало понятно, что съ образованными народами намъ справиться трудновато; съ тѣхъ поръ съ ними Россія и не воевала, а шла всегда войною въ другую сторону—не противъ Европы, не на Западъ, а противъ Азіи, на Востокъ, гдѣ всѣ народы были еще необразованные, дикіе. Этимъ путемъ, все расширяя свои владѣнія, Россія добралась до восточной границы Сибири—до Великаго океана. Послѣ этого ей почти некуда стало расширяться, потому что даже въ Азіи всѣ другія, заграничныя земли или были подъ властью

образованныхъ европейскихъ народовъ, особенно Англии, или же были съ ними въ союзѣ и подъ ихъ охраною. Между тѣмъ, у русскихъ правителей, наслѣдниковъ крѣпостного дворянства, все еще не прошла охота къ занятію войной и къ захвату земель у чужихъ народовъ, потому что ни на чемъ другомъ правителямъ—дворянамъ наживаться и отличаться не приходилось: управлять государствомъ на пользу народа они такъ же не умѣли и не любили, какъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Это ужъ такое свойство дворянскаго племени. Черной работы, хозяйственныхъ расчетовъ, кропотливаго устройства—ничего этого дворянинъ не умѣетъ. Только наскочить съ кулакомъ, разорить, захватить — это его дѣло, это—его кулачное ремесло.

Вотъ и надумали наши правители забрать у Китая Манчжурію. Это—очень богатая земля, хлѣбородная до чрезвычайности, торговая и полная всякихъ полезныхъ человѣку предметовъ. Наши министры увѣряли, что намъ безъ этой страны не обойтись—даромъ, что она лежитъ отъ насъ за 10.000 верстъ и даже отъ Сибири отдѣлена огромнымъ пространствомъ пустынныхъ горъ и равнинъ. Министры говорили, что Россія станетъ госпожею надъ всѣмъ міромъ, когда завладѣетъ тамошнимъ, манчжурскимъ моремъ и портами: тамъ-де море и порты очень удобные, теплые, на зиму не замерзающіе (какъ Портъ-Артуръ), а у насъ море холодное, портъ зимою замерзаетъ (Владивостокъ). Они собирались завести тамъ самый огромный военный флотъ и этимъ путемъ взять силу надъ всѣми народами, что у Великаго океана (а нынче на Великомъ океанѣ торговлю ведутъ всѣ земные народы). Какъ видитъ читатель, это была самая дворянская затѣя: одолѣть всѣхъ людей на свѣтѣ не столько своимъ умѣньемъ, своимъ смысломъ въ мирныхъ, торговыхъ дѣлахъ или промыслахъ, сколько силой кулака, войною. Наши министры затѣяли уже изо всего міра сдѣлать для себя такую же послушную вещь, какъ послушно служили ихъ отцамъ крѣпостные мужики. Только расчетъ имъ не удался, и не

удался по той причинѣ, что по нынѣшнимъ временамъ прошло уже время крѣпостного кулака во всемъ мірѣ. Больше нѣтъ прежней силы въ міровыхъ дѣлахъ за стариннымъ крѣпостничествомъ, и сильны оказываются совсѣмъ не тѣ государства, гдѣ больше войска, гдѣ люди похожи на чужія вещи, а, наоборотъ, сильнѣй всѣхъ тѣ государства, гдѣ людямъ дана наибольшая воля поступать во всемъ по своему смыслу, не по чужому. Въ Манчжуріи наше крѣпостническое правительство натолкнулось, гдѣ не ожидало, на такое смышленное государство, и это государство, къ нашему сраму, оказалось сильнѣй, хоть и гораздо меньше, нашего. Это государство—Японія.

Японія лежитъ въ морѣ, въ Великомъ океанѣ, на островахъ, у самыхъ береговъ Манчжуріи. Когда Россія захватила у Китая Манчжурію и стала стягивать въ Портъ-Артуръ свои военныя суда, то Японіи настала большая опасность отъ этого. Во-первыхъ, Россія могла добраться и до самой Японіи, а во-вторыхъ, Россія отымала у Японіи всю торговлю въ тамошнихъ моряхъ, особенно же въ приморской странѣ—Кореѣ, гдѣ японцы уже устроились будто у себя дома и надѣялись вовсе взять эту страну въ свои руки. Россія же на японскія надежды не соглашалась, и скорѣй сама рассчитывала на Корею. Еще надо сказать, что еще раньше Россіи, 10 лѣтъ тому назадъ, сами японцы, побѣдивши китайцевъ въ войнѣ, захватили было у нихъ Портъ-Артуръ и часть Манчжуріи и отдавать не хотѣли, отдали же только изъ страха Россіи; а потомъ Россія же перехватила у нихъ эту добычу. За это японцы очень оскорбились, и втихомолку готовились отплатить.

Наконецъ, дошло дѣло до войны. Наши министры увѣряли тогда, что японцамъ очень скоро утрутъ носъ. Они надѣялись на русское войско, на его давнюю привычку всѣхъ одолѣвать, да еще считали японцевъ, какъ и прочіе народы на востокъ отъ Россіи, за такихъ же необразованныхъ, словно китайцевъ и турокъ. Вѣдь дикіе народы нашему правительству побѣждать было легко.

Японцы, дѣйствительно, не далѣе, какъ 50 лѣтъ назадъ, были вовсе необразованный народъ, не лучше китайцевъ— въ Россіи въ то время было образованности куда больше. Напримѣръ, 50 лѣтъ назадъ посылались въ Японію русскіе военные корабли, и съ ними побывалъ тамъ образованный русскій человѣкъ, знаменитый писатель Гончаровъ—такъ онъ со смѣхомъ описывалъ (въ своей книгѣ «Фрегатъ Паллада»), какіе японцы были неотесанные да глупые, какъ они не умѣли сидѣть на стульяхъ, а сидѣли на корточкахъ, носили долгіе халаты, брили голову, сморкались не въ носовой платокъ, а въ бумажку и проч. Наши нынѣшніе министры хотъ и знали, что съ тѣхъ поръ японцы многимъ занялись у европейцевъ, но думали, что всему-то народу за 50 лѣтъ перемѣниться трудно—народъ вѣдь на подъемъ тяжель, и нашъ вотъ народъ остался все такимъ же бѣднымъ и смиреннымъ и необразованнымъ, почти какъ при крѣпостномъ правѣ. Они такъ и думали, что японскій народъ ужъ никакъ не обогналъ нашего за 50 лѣтъ. Однако, это вышло не такъ: японцы за 50 лѣтъ учились всему куда усерднѣй нашего, и за это время у нихъ сдѣлалась во всемъ необыкновенная, просто чудесная перемѣна! Открылась огромная торговля; завелось множество фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ; много людей изъ Японіи стало ѣздить учиться всѣмъ наукамъ въ Европу, а потомъ завели такія же науки у себя дома, въ университетахъ, академіяхъ—и теперь у нихъ образованныхъ, знающихъ людей по разнымъ наукамъ и искусствамъ больше нашего, и неграмотнаго нѣтъ у нихъ почти ни одного человѣка. Самое же главное, у нихъ давно перестали уже считать всякаго японца за простую вещь, которой ничего не надобно, кромѣ службы хозяину—тамъ всѣ люди имѣютъ гораздо больше нашего свободы и правъ. Оттого-то и побѣдила насъ Японія.

Во всей нашей войнѣ съ японцами, на каждомъ шагу, оказывалось, насколько они во всемъ умѣютъ и понимаютъ гораздо больше нашего. Взять уже одно то, что флотъ

у нихъ былъ гораздо лучше нашего, да и моряки ихніе оказались куда ловчѣй и искуснѣй; между тѣмъ, у насъ флотъ заведенъ былъ еще Петромъ Первымъ, 200 лѣтъ назадъ, а у нихъ—только десятка два лѣтъ завелись порядочные военные корабли, настоящій же флотъ свой они принялись поспѣшно строить совсѣмъ недавно—послѣ своей войны съ китайцами, и строили нарочно для морской войны съ Россіей. Дѣло это невозможно сохранить втайнѣ—корабли ихъ строились въ Европѣ, у всѣхъ на виду, и наши министры про это тоже хорошо знали, да какъ-то все-таки вышло такъ, что они нашихъ обогнали въ постройкѣ своихъ судовъ (наши вѣдь тоже старались поспѣть въ этомъ дѣлѣ, отпущено было на это 90 милл. рублей). Броненосцевъ и миноносцевъ оказалось у японцевъ гораздо больше числомъ, чѣмъ у насъ во Владивостокѣ и Портѣ-Артурѣ, да сверхъ того суда эти и постройкой были крѣпче, и размѣромъ больше, и пушками гораздо сильнѣй. Немудрено, что съ первой же схватки мы стали терять свои суда въ бою съ японскими, а потомъ и вовсе должны были засѣсть съ кораблями въ Портѣ-Артурѣ; когда же Портѣ-Артуръ захватили японцы, то тамъ пропалъ весь нашъ флотъ—былъ затопленъ нашими же моряками (теперь, впрочемъ, японцы подняли со дна почти всѣ уже наши суда, исправили ихъ и присоединили къ своему флоту). Второй флотъ, Рождественскаго, посланный туда же нашимъ правительствомъ изъ Россіи, весь погибъ въ одномъ сраженіи съ японцами. Тутъ оказалось, что большая часть нашихъ судовъ была просто никуда негодно построена, а пушки даже не могли хватать до японцевъ. Поняли мы тогда, да поздно, что въ морскомъ дѣлѣ всего не возьмешь однимъ генеральскимъ крикомъ да бранью, да кулакомъ, а нужно, какъ у японцевъ—большое искусство.

Но и на сушѣ наше войско не могло выдержать японской силы. За 1½ года войны русскіе ни разу не побѣдили японцевъ, а наоборотъ, въ каждомъ сраженіи побѣда была за японцами, и что дальше, то сильнѣй и силь-

нѣй они насъ разбивали; наконецъ, подь Мукденомъ погубили и взяли въ плѣнъ чуть что не половину нашей арміи, такъ что нашимъ пришлось просто убѣгать. Не удалось нашимъ отсидѣться и въ Портъ-Артурѣ; японскіе инженеры очень искусно, хотя и потихоньку, вели осаду этой крѣпости, а японскія огромныя пушки, какихъ у насъ не было, dokonчили дѣло, разбивши въ мелкій щебень всѣ наши каменные и земляныя укрѣпленія. Въ открытыхъ бояхъ японцы побѣждали насъ потому, что у нихъ было гораздо больше пушекъ, чѣмъ у насъ, еще потому, что пушки тутъ ужъ были легкія, горныя (въ Манчжуріи все — горы), а у насъ такихъ почти не было, потому у нихъ было множество пулеметовъ, а у насъ очень мало — словомъ, они обо всемъ озаботились заранѣе лучше нашего. А самое главное, и на морѣ и на сушѣ было то, что порядокъ и аккуратность у нихъ во всемъ заведены были образцовые, что у нихъ въ военномъ дѣлѣ множество было перенято отъ европейскихъ народовъ улучшеній и облегченій, какихъ у насъ не было, что у нихъ генералы и офицеры оказались знатоками своего дѣла, а у насъ нѣтъ; наконецъ, главнѣй всего, ихъ солдаты сплошь всѣ грамотные и понимающіе военную науку, а не крѣпостные, вымуштрованные изъ-подъ палки. Поэтому у нихъ всякая надобность военная исполнялась всѣми, отъ генерала до солдата, съ большимъ пониманіемъ и аккуратно.

Читателю тутъ станетъ, пожалуй, досадно читать. Почему же молъ это какой-то народишка на концѣ свѣта оказывается во всемъ умнѣй и способнѣй нашего? Вѣдь испоконъ вѣку твердится: наша матушка Россія всему свѣту голова. А тутъ оказывается, что ее обогнали какіе-то японцы, которые сродни нашимъ башкирамъ да калмыкамъ. За что же намъ такая обида? Или они лучше насъ породой? Или ужъ мы глупѣй другихъ народовъ?

Нѣтъ, другіе народы ни въ чемъ насъ не лучше, и нашъ народъ не глупѣе прочихъ. А что до того, будто мы — всему свѣту голова, то это, конечно, — вранье, чепуха. Сила на свѣтѣ состоитъ въ образованности, и образован-

ные народы всегда были посильнѣй нашего. Если же японцы взяли надъ нами верхъ, то надо понимать это: они взяли верхъ именно потому, что догадались завести у себя образованіе настоящее, а настоящее образованіе бываетъ лишь у однихъ свободныхъ народовъ, гдѣ каждому вольно бываетъ жить не изъ-подъ палки, а такъ, какъ самому выходить по мысли. Наука всякая выучивается, какъ слѣдуетъ, только по доброй волѣ. Въ Японіи дана народу такая свобода, вотъ народъ у нихъ зато и отблагодарилъ искусствомъ во всемъ, въ томъ числѣ и въ военномъ дѣлѣ. А у насъ, намѣсто свободы, — застарѣлое крѣпостничество, людямъ невозможно по своему ни охнуть, ни вздохнуть, вотъ у насъ всякое искусство и захудало, пошла у насъ во всемъ неурядица, особенно же, въ военномъ дѣлѣ. Всякое искусство — дѣло свободное, надо это хорошо намотать себѣ на усь, а какой народъ этого понимать не хочетъ, тому и приходится, рано ли, поздно ли, расплачиваться своими боками. У насъ, въ Россіи этого понять не хотѣли, свободы и науки всякой боялись, словно огня, а боялись именно потому, что всѣми дѣлами заправляли у насъ господа крѣпостники, большею частью, сами столбовые дворяне, народъ же молчалъ и терпѣлъ, потому что запуганъ еще отъ крѣпостныхъ временъ. И коли мы не развяжемся съ нашимъ крѣпостнымъ правомъ, то будетъ намъ еще хуже! Это вѣрно, какъ дважды-два четыре. Намъ нужна свобода, иначе народъ нашъ пропадетъ. И тогда разберутъ себѣ наши земли чужіе народы, которые образованнѣй и сильнѣй насъ, и Россіи придетъ конецъ. Дѣло наше очень опасное, и спасти насъ можетъ только свобода и образованіе. Будемъ же себѣ требовать того и другого. Будемъ требовать, чтобы крѣпостники ушли прочь и не мѣшали бы народу жить и дышать.

Однако въ чемъ же дѣло? Почему все-таки подневольный, крѣпостной человѣкъ оказывается даже на войнѣ плоше свободнаго? Почему даже генералы и офицеры русскіе, которые сами господа, сами распоряжаются, а не

терпятъ отъ командировъ брани и побоевъ, почему даже эти генералы и офицеры оказываются хуже, чѣмъ въ свободной странѣ? Это—очень любопытное дѣло и надо это разобрать.

Вѣдь, по крѣпостному праву, съ человѣкомъ обращаются, словно съ вещью, не спрашиваютъ его про то, что онъ любить, чего хочетъ, а чего не хочетъ,—просто посылаютъ его, куда хозяину занадобится. Однако это—самый глупый порядокъ, потому что вовсе не всякій человѣкъ пригоденъ на всякое дѣло. Если я, напримѣръ, хорошо смыслю по торговой части, то офицеръ изъ меня выйдетъ, можетъ быть, самый плохой; или я съ охотой и съ умѣньемъ могу командовать пѣхотными солдатами, а на морѣ меня, можетъ быть, трясеть морская болѣзнь, и значить, на суднѣ съ меня не будетъ никакой пользы. Въ свободной странѣ это хорошо разумѣютъ, и даютъ людямъ выбирать себѣ дѣло по душѣ, да и начальствующіе люди присматриваются, выбираютъ для каждаго дѣла такого человѣка, который бы это дѣло любилъ и понималъ. Не то было (да и посейчасъ есть) у насъ, въ Россіи. У насъ и начальство-то своего дѣла часто не уважаетъ и не понимаетъ, потому что попадаетъ къ нему не по заслугамъ, не по общей мысли всего народа, а просто по кумовству да для полученія хорошихъ доходовъ; понятно, что такіе начальники, не боясь народа (вѣдь народъ смиренъ и молчитъ, не то, что гдѣ-либо во Франціи или Англии—тамъ сейчасъ крикъ подымаютъ), назначаютъ на каждое мѣсто своихъ родныхъ да пріятелей, чтобы они наживались по-привольнѣй. А на маленькія мѣста—въ войскѣ, напр., фельдфебелей, писарей, квартирмейстеровъ тоже народъ попадаетъ не столько за умѣнье тѣ дѣла вести по настоящему, сколько по усердію къ начальству; изъ простыхъ солдатъ тоже—тотъ и взысканъ милостью, который въ ниточку растягивается передъ начальникомъ, а не тотъ, кто что-либо понимаетъ. Выходитъ такъ, что у насъ и въ военномъ да и во всякомъ мирномъ дѣлѣ, всѣ почти люди—не по своимъ мѣстамъ. Способные прогнаны за

то, что смѣютъ дѣлать по-своему дѣло, а неспособные сидятъ надъ нелюбимымъ дѣломъ да приговариваютъ: дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай. Никто почти у насъ на службѣ казенной дѣла своего терпѣть не можетъ—какъ же мыслимо, чтобы у насъ какое-либо дѣло шло хорошо? Дѣлаютъ его только для виду, сколько начальство прикажетъ, а чтобы задумываться надъ своимъ дѣломъ, придумывать ему еще улучшенія или облегченія—ни въ жизнь! Всѣ служатъ для одной выгоды, а не для дѣла, оттого, конечно, гдѣ только есть возможность, то и казенное себѣ присвоятъ—такова ужъ у насъ изстари служба. Наши шли воевать въ Манчжурію, и не знали зачѣмъ идутъ помирать, да еще такъ далеко. Шли нехотя, черезъ силу, потому что велятъ, воевали по желанію начальства, а не по своему. По своему бы желанію такъ бросили бы эту Манчжурію и разошлись бы по домамъ во-свояси. Только можетъ быть, иные офицеры да начальники радовались, что на войнѣ наживутся, да чиновъ и крестовъ нахватаютъ...

Совсѣмъ другое дѣло,—японцы. Они всѣ, до послѣдняго солдата, знали, за что идутъ на смерть и считали за счастье умереть за это дѣло. Они, какъ народъ свободный, сами въ своемъ парламентѣ объявили всѣ согласіе на эту войну—всѣ согласились, что имъ—или помереть, или отнять назадъ у Россіи Портъ-Артуръ, Корею и Манчжурію. Войско же у нихъ заранѣе готовилось и устраивалось тоже подъ зоркимъ глазомъ всего народа. Начальниками были выбраны самые знающіе генералы и адмиралы, которые себя объявили еще въ Китайскую войну. Къ каждому дѣлу, къ каждому мѣсту у нихъ опредѣлялся человекъ подходящій. Такъ напр., во флотѣ у нихъ служили настоящіе моряки, которые весь свой вѣкъ привыкли жить на морѣ, а не деревенскіе мужики отъ матушки сохи, какъ это было у насъ. И не служили у нихъ для наживы, потому что даже самые главные генералы у нихъ получаютъ едва-едва на прожитокъ, наживаться же отъ казны вовсе у нихъ неудобно, потому что весь народъ приглядываетъ и

никогда такого дѣла не потерпѣть. Офицеры у нихъ тоже— не господа для солдатъ, а только старшіе, живутъ съ ними заодно и, зная каждаго солдата кругомъ, понятно, представляютъ каждаго къ дѣлу. Каждый тамъ старался придумать для общаго дѣла, какъ можно лучше. Вотъ отчего у нихъ и пушки оказались лучше, и карабли, и госпитали, и всѣ приказанія, и все военное хозяйство, и укрѣпленія, и развѣдки—словомъ, все устройство. Для всякаго дѣла первая вещь—добрая воля и свобода. Изъ-подъ палки все выходить и дорого, и никуда негодно. Крѣпостные, подневольные люди всегда кажутся глупѣй и неповоротливѣй свободныхъ людей. У насъ же нигдѣ не осталось столько крѣпостного порядка, какъ въ арміи. Казарма, ученья, дисциплина, все это—чистое крѣпостное кулачество. Поэтому намъ нечего и обижаться за свою глупость и неумѣлость передъ японцами: заведемъ мы въ своей странѣ настоящую борьбу, развяжемся окончательно съ нашимъ крѣпостнымъ ярмомъ, доставшимся по наслѣдству отъ дѣдовъ,—и мы тоже станемъ сильны и умны, не хуже японцевъ. Японія показала намъ своими побѣдами, что намъ бы надо въ свое время не зѣвать, а еще можетъ быть, послѣ освобожденія крестьянъ получить бы себѣ настоящія свободныя права,—тогда и не пришлось бы намъ терпѣть сраму отъ сосѣдей, которые оказались проворнѣй и догадливѣй нашего. вмѣсто того, мы прозѣвали нужное время, а теперь приходится догонять въ наукахъ и въ искусствахъ тѣ народы, надъ которыми мы смѣялись, какъ надъ глупыми дикарями. Пусть это будетъ намъ впередъ наука!

IV.

Какая сила помогаетъ намъ выйти на свободу?

Крѣпостничество довело Россію до сраму и несчастья. Оно не давало русскому народу на волѣ всему научиться, какъ научились хотя бы японцы, и при этомъ еще крѣ-

постные господа надѣялись существовать вѣки-вѣчные счастливо и безмятежно. Они, и въ самомъ дѣлѣ, думали, что съ освобожденіемъ крестьянъ сдѣлали преловкое дѣло: отпустивъ немного веревочку, на которой держали народъ, тѣмъ вѣрнѣй его закабалили себѣ большими налогами, волостными правленіями, полиціей да земскими начальниками. И правда, крестьянинъ нашъ сталъ вовсе смиренный и сколько его ни разоряли, только вздыхалъ, голодалъ да молчалъ, да понемногу, безъ слова, вымиралъ.

Но только ни правительство, ни дворянство не замѣчали, что тутъ же, заодно съ усмиреніемъ народа, можно сказать, промежъ самыхъ рукъ управляющихъ господъ вырастаетъ новая сила, такая сила, которой на вѣку написано—повалить на землю всю новую поросль, пошедшую отъ стараго крѣпостного корня. Эту страшную для нихъ силу сами же господа крѣпостники, какъ слѣпые, всячески лелѣютъ и холятъ, и растятъ, не понимая, какую опасную вещь противъ себя готовятъ.

Эта новая сила—торговля, промышленность заводская и фабричная, вообще,—весь денежный оборотъ по нашей странѣ, который такъ усилился послѣ крестьянскаго освобожденія. Деньги—смерть для крѣпостной старины, хоть и не сразу дѣло доходить до смерти. Въ старину съ деньгами дѣла было очень мало, особенно въ крестьянскомъ, да и въ помѣщичьемъ обиходѣ. Денежныя дѣла требуютъ большой сноровки, привычки и, первое дѣло,—хорошаго знанія свойства и цѣны cadaго товара. Тутъ надо вникать во все самому, чтобы нигдѣ не пропустить своей пользы. А къ этому дѣлу дворянское сословіе ужъ вовсе непригодно, такъ что оно только и могло долго держаться, пока денежными дѣлами мало еще занимались въ нашей странѣ, и не въ денежныхъ дѣлахъ была главная сила. Но съ тѣхъ поръ очень сильно перемѣнилось все въ Россіи. Для всякаго человѣка необходимость настала въ деньгахъ, такъ что безъ нихъ дня даже прожить никому невозможно. Значить, всѣми людьми и станетъ тотъ вертѣть, какъ хочетъ, у кого наибольше денегъ,

и кто, кромѣ того, умѣетъ ихъ не только проживать, а наоборотъ, давать имъ оборотъ, повыгоднѣй для себя. И вотъ теперь, чѣмъ больше растутъ у насъ по городамъ и деревнямъ всякія денежныя дѣла, тѣмъ большую силу получаютъ люди, понатершіеся въ денежныхъ дѣлахъ—купцы, банкиры, фабриканты и прочіе денежные люди или капиталисты. Они и дворянъ-то опутываютъ, словно паутиной, со всѣхъ сторонъ и понемногу обращаютъ ихъ себѣ на службу.

Между тѣмъ наше крѣпостное правительство именно старалось всегда, какъ только можно, увеличить по Россіи денежный оборотъ и доставить всякую выгоду капиталистамъ: этимъ путемъ оно надѣялось само отъ чужихъ дѣлъ разбогатѣть. Такъ, напр., правительство изо всѣхъ силъ раздаривало на Кавказѣ земли съ нефтяными источниками, а другою рукою въ то же время накладывало большой налогъ на керосинъ; то же самое, напр., съ хлопчатобумажными тканями: чтобы это дѣло у насъ пошло, правительство обложило иностранныя бумажныя ткани очень дорогою пошлиной—и фабрикантамъ нашимъ выгодно, да и правительству отъ пошлинъ порядочный доходъ. И все—въ этомъ же родѣ. Дворянское наше правительство послѣ освобожденія крестьянъ весь свой расчетъ положило на усиленіе у насъ всякой денежной, капиталистической промышленности, около которой оно и грѣется само, и кормитъ все сословіе дворянское (какъ это говорилось уже раньше). Однако же расчетъ этотъ довольно глупый. Глупъ онъ по двумъ причинамъ.

Первая причина въ томъ, что правительство, собирая себѣ доходы около промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ, собираетъ ихъ, на самомъ дѣлѣ, вовсе не съ промышленниковъ или торговцевъ, а съ того же все бѣднаго народа. Напримѣръ, правительство, съ выдѣланнаго спирта беретъ огромный акцизъ: ведро спирта въ выдѣлкѣ обходится, скажемъ, 1 руб., а казна взимаетъ 10 руб., такъ что въ продажѣ чистый спиртъ стоитъ въ 11 разъ противъ своей настоящей цѣны. Кто же платитъ за 1 бутылку вина

столько, сколько стоятъ 11? Конечно, не фабрикантъ, а покупатель, т. е., большею частью, крестьянинъ да городской или промысловый рабочій. Точно такъ же и на всѣхъ прочихъ товарахъ переплачиваютъ въ казну очень много денегъ покупатель, т. е. нашъ народъ. Всѣмъ извѣстно, богатъ ли нашъ народъ. Всѣмъ извѣстно, какъ голодають у насъ чуть что не черезъ годъ, цѣлыми губерніями за разъ, наши обнищавые крестьяне. Всѣмъ извѣстно, какъ упали нынче всюду заработки по городамъ и на разныхъ промыслахъ, сколько безработныхъ сидятъ, сложивши руки, и мрутъ съ голоду со своими семьями. Всѣмъ это извѣстно, а между тѣмъ съ этого же несчастнаго народа и берутся въ казну такія громадныя деньги, а оттуда расходятся на пособіе дворянскому сословію или тѣмъ же фабрикантамъ для поправленія дѣлъ, т. е. увеличенія ихъ прибыли. И говорю, это—очень глупый расчетъ по той причинѣ, что вѣдь вѣки-вѣчныя такъ продолжаться не можетъ! Кончится и у народа когда-нибудь всякая возможность платить въ 11 разъ противъ цѣны товара, и чѣмъ больше противъ цѣны ему приходится платить, тѣмъ скорѣе изведетъ его въ конецъ казна! Правительство само подрываетъ подъ собою фундаментъ того хорошаго дома, въ которомъ живетъ. Развѣ можно подрывать его, надѣясь, что онъ не рухнетъ? Это глупо.

Вторая причина—въ томъ, что, поддерживая всѣми силами разныя денежныя дѣла, правительство все усиливаетъ капиталистовъ и тѣмъ пригрѣваетъ змѣю на своей груди. Нынче еще капиталисты послушно идутъ за правительствомъ, какъ овцы за пастухомъ, потому что капиталистамъ покамѣстъ это еще выгодно—вотъ они во всемъ помогаютъ правительству. Но такъ можетъ итти дѣло только до тѣхъ поръ, пока и народъ, словно крѣпостной, во всемъ слушается правительства и достаетъ своимъ трудомъ деньги и на дворянъ, и на капиталистовъ. Не то будетъ, когда народъ заупрямится; потерявши денежную силу. Тогда капиталисту изъ пустой казны ужъ не придется ничего получить и останется положиться только на самого себя

да на свое умѣнье вести торговля и промышленныя дѣла. Когда это случится,—конецъ и согласію капиталистовъ съ правительствомъ и дворянами! Капиталисты наши уже и теперь понимаютъ, какую они силу имѣютъ надъ всѣми людьми, по причинѣ своихъ капиталовъ. Они и нынче уже нерѣдко разговариваютъ съ правительствомъ довольно сердито, требуютъ себѣ разныхъ льготъ, или отказываются исполнять требованія правительства. Тогда же они, конечно, рѣшаютъ, что имъ вовсе не къ чему держать руку правительства, коли они сами надъ всѣмъ государствомъ могутъ забрать силу. И они постараются ее забрать—это вѣрно.

Однако кромѣ денежнаго оборота и кромѣ всякаго рода капиталистовъ, есть и еще сила въ нашемъ государствѣ, которая тоже роетъ вѣрную могилу крѣпостнымъ порядкамъ. Эта сила—сила городского рабочаго народа. Городской рабочій народъ—это совсѣмъ новый народъ, непохожій на старинное крестьянство, хотя онъ, конечно, вышелъ и до сихъ поръ выходитъ все изъ того же крестьянства. Но какъ только бывшій крестьянскій сынъ начинаетъ жить отъ городской и, вообще промысловой работы, такъ онъ во всемъ мѣняется, хоть на взглядъ долго еще остается сѣрой деревенщиной. Дѣло въ томъ, что мѣняется у него, прежде всего, та привязь, которою онъ привязанъ къ строгимъ деревенскимъ порядкамъ. Пока онъ живетъ въ деревнѣ, то со своимъ несчастнымъ хозяйствомъ онъ живетъ всегда на виду у всего уѣзднаго начальства и у деревенскихъ кулаковъ, и они ему шевельнуться не даютъ по-своему, все тянутъ, по всякому случаю, въ волостное правленіе или въ холодную, вызываютъ на сходъ для всякихъ выборовъ, вразумленій, а то и для порки. Въ деревнѣ все это совершенно понятно, потому что, при нынѣшнемъ крѣпостничествѣ, только такимъ неослабнымъ надзоромъ и прижимками и возможно бываетъ взять съ деревни все, сколько надобно казнѣ да дворянамъ. А въ городѣ, на фабрикахъ, на заводахъ, рудникахъ, желѣзныхъ дорогахъ и прочихъ денежныхъ промыслахъ—

совсѣмъ иное дѣло, чѣмъ съ народомъ, живущимъ при землѣ. Тамъ трудовые люди уже имѣютъ дѣло не съ правительствомъ и не съ дворянствомъ въ своей работѣ (иногда, впрочемъ, заводами и промыслами занимается казна), а съ капиталистами, т. е. съ людьми, которые, правда, очень жадны до денегъ и прибыли, но которымъ въ крѣпостной, кулачной прижимкѣ—вовсе не главный расчетъ; у нихъ есть способы къ наживѣ, гораздо повыгоднѣй этой прижимки. Такимъ-то путемъ, старинному нашему правительству, для увеличенія своей казны, пришлось разводить у насъ денежную, капиталистическую промышленность, а съ нею—богачей-капиталистовъ, которые становятся самыми опасными для старинныхъ порядковъ врагами, а еще, сверхъ того, капиталъ всегда плодитъ и раститъ вокругъ себя новый рабочій народъ, безъ котораго, конечно, не можетъ обойтись никакой крупный, машинный промыселъ, а между тѣмъ этотъ новый рабочій народъ не такъ-то легко упрятать въ крѣпостной кулакъ. Онъ живетъ въ городахъ безъ надзора волостного правленія, безъ отеческой ласки земскаго начальника, безъ холодной, безъ розогъ, безъ продажи вещей за недоимки. Въ своемъ домашнемъ быту онъ самъ себѣ голова, а это значить, что ужъ онъ наполовину сталъ человѣкомъ, а не такою дворянской и казенной вещью, какъ его же братья, оставшіеся въ деревнѣ. Хозяину-фабриканту очень мало интереса до того, чѣмъ человѣкъ занимается у себя дома или на улицѣ—онъ беретъ съ него свою прибыль только на фабрику, а прижимку рабочему дѣлаетъ ужъ не кулакомъ, а похитрѣй, да повѣрнѣй: отказомъ отъ мѣста, расчетомъ. Впрочемъ, если прижимка и не удастся, если рабочіе стачкой заставятъ его пойти на лучшія для нихъ условія, то фабрикантъ вовсе не въ накладѣ бываетъ, ему горевать нечего, какъ крѣпостному барину, о непослушаніи его слугъ. Вѣдь рабочій, при лучшей платѣ, работаетъ выгоднѣй для хозяина—оттого-то рабочему и можно за себя бороться. Оттого онъ и прямѣй ходитъ, и вольнѣй разговариваетъ, что на себя надѣется. Вообще, въ городахъ,

на заводахъ, на промыслахъ большихъ человекъ куда больше можетъ считать себя человекомъ, чѣмъ въ нашихъ деревенскихъ захолустьяхъ: если, напр., никто особо не заботится о лучшей жизни для рабочихъ то все же рабочему остается полная воля распоряжаться своимъ заработкомъ и своею жизнью, не спрашиваясь ни у какого крѣпостного надзирателя. Дѣло въ томъ, значить, что для нынѣшняго, капиталистическаго, денежнаго времени требуются свободные люди, а не рабы. Свободный человекъ отвѣчать за себя можетъ, а съ забитаго раба и требовать ничего невозможно: что ухватилъ съ него, то и ладно— «съ паршивой овцы хоть шерсти клокъ», какъ говаривали старинные бары.

Но только отсюда видно, какая громадная разница должна быть у насъ между городомъ и деревней, между городскимъ народомъ и деревенскимъ. Въ то время, какъ по деревнямъ всюду—прямое царство безправія—потому что какія же мыслимы права у крѣпостныхъ людей?—по городамъ за десятки лѣтъ успѣло скопиться множество народа, который знаетъ свои права и можетъ за нихъ постоять. Городской народъ не очень согласится, чтобы какіе угодно знатные господа смѣли вмѣшиваться въ его домашнія дѣла да набрасывались бы зря на его малое имущество. Нѣтъ, у него есть уже какая-то гордость, какая-то строптивость противъ крѣпостническихъ замашекъ важныхъ господъ, а какъ городской человекъ видитъ вокругъ себя множество такихъ же, какъ онъ, неуступчивыхъ людей, то оттого еще больше ободряется и, чуть что, подымается всей толпой. Привыкши же къ такой защитѣ себя отъ чужихъ нападеній, онъ осмѣливается понемногу и отъ себя нападать на своихъ притѣснителей, чтобы вырвать отъ нихъ для себя побольше выгоды и новыя права. Отсюда пошли забастовки всякія и рабочія демонстраціи.

Конечно, и кромѣ заводскихъ, фабричныхъ рабочихъ, въ городахъ осѣло много деревенскаго народа для разныхъ другихъ занятій—по торговлѣ мелочной, извозу и

проч. Эти люди, обладающіе собственнымъ какимъ-либо ремесломъ, а не живущіе работой на капиталиста-хозяина, меньше ушли отъ крестьянства, чѣмъ заправскій рабочій. Но современемъ, когда число рабочихъ очень ужъ размножилось и очень ужъ крѣпко стали рабочіе, всѣмъ народомъ, добиваться себѣ отъ правительства новой свободы, новыхъ правъ,—то и прочіе городскіе выходцы изъ деревень не могли остаться попрежнему смиренны и молчаливы, они тоже зашевелились, и, оказалось, тоже желаютъ себѣ свободы, а во всемъ государствѣ, вообще, уничтоженія старинныхъ, плохихъ, крѣпостныхъ порядковъ. И этихъ людей, надо сказать, пригнала въ города все та же сила денегъ: для денегъ они пришли въ городъ, для лучшей добычи денегъ имъ и новыя права требуются. И такъ во всемъ оказывается, что выгода, получаемая старымъ, дворянскимъ правительствомъ и всѣмъ дворянскимъ сословіемъ, отъ увеличенія денежнаго оборота и капиталистическихъ дѣлъ по всей странѣ, эта ихъ выгода, въ концѣ концовъ, пошла имъ въ прямой вредъ. Весь народъ въ Россіи былъ поднятъ на ноги денежными дѣлами, да зато потерялъ и крѣпостную покорность. Въ послѣдніе годы изъ городовъ общее требованіе свободы разошлось и по деревнямъ, и некуда больше даже спрятаться у насъ на покой бѣдному крѣпостничеству; нигдѣ больше не даютъ ему спокойно, безъ слова, брать съ людей, сколько хватить лишь силъ; всюду люди оцетинились, наежились, и много нынче стало хлопотъ правительству, благородному дворянству и его вѣрному слугѣ—чиновничеству да полиціи, со всякимъ послѣднимъ мужиченкомъ. Это ли не послѣднія времена? Нѣтъ, вы подумайте только, читатель! Что бы вы сказали, если бы въ вашемъ собственномъ хозяйствѣ всѣ ваши собственные вещи, вмѣсто того, чтобы служить вамъ съ охотой и безъ сопротивленія, стали бы вдругъ рычать, показывать зубы, а то и кусаться, и бросаться вамъ подъ ноги? Какъ бы вамъ понравились такія чудеса? Сначала бы вы, конечно, испугались,—что-молъ за навожденіе такое! мерещится

мнѣ, что ли?—а потомъ бы со страху да отъ гнѣва и принялись бы приводить въ порядокъ свои непокорныя вещи. И скорѣй бы вовсе ихъ всѣ уничтожили, чѣмъ стерпѣли бы такую обиду, что вами же сдѣланныя или хотъ купленные вещи смѣютъ васъ учить! Все бы кругомъ переколотили... Неправда-ли?

Такъ дѣло происходитъ и тутъ. Разница только въ томъ, что люди кажутся вещами лишь другимъ людямъ, сдѣлавшимъ себѣ такую неправильную привычку. На самомъ же дѣлѣ, никогда люди вещами не бывали, никогда съ ними невозможно было и поступать совершенно такъ, какъ съ вещами. Всегда все же кое-въ-чемъ крѣпостнымъ господамъ приходилось примѣняться къ человѣческой душѣ своихъ «подданныхъ», только они этого не замѣчали. Напримѣръ, старинные генералы одерживали побѣды свои надъ врагами со своими крѣпостными солдатами вовсе не потому только, что тѣ, какъ овцы, шли, куда прикажутъ господа, а потому, что солдаты эти любили свою родину и согласны были умереть за нее, чтобы не досталась кому другому. Отъ этого самый знаменитый нашъ генераль—Суворовъ и дѣлалъ чудеса со своимъ войскомъ: войско его любило и вѣрило ему, потому что онъ самъ показывалъ войску много заботы и знанія своего дѣла. Значить, и при крѣпостномъ правѣ главная-то сила была все же въ человѣкѣ, а не въ вещи. Это только господа-дворяне считали человѣка за вещь. И нынче тоже нѣтъ никакой надежды, что стариннымъ крѣпостникамъ удастся повернуть людей, пожелавшихъ себѣ свободы и правъ, на послушныя имъ вещи. Ужъ если у старинныхъ крѣпостныхъ людей столько важности имѣла человѣческая душа, то въ наше время, когда всѣмъ понадобилась воля, просторъ для души, поворота назадъ быть и вовсе не можетъ. Можно сказать еще и такъ: крѣпостное право оттого держалось на свѣтѣ, что всѣ люди, хотъ и очень страдали, а все-таки соглашались про себя на крѣпостной порядокъ въ государствѣ, другого порядка сами крѣпостные вообразить себѣ не могли (кромѣ иныхъ образованныхъ людей,

насмотрѣвшихся на чужія страны), и тѣмъ какъ будто сами же одобряли господскія мученія. Оттого и между самими крестьянами была такая жестокость другъ къ другу, что тогда настоящаго понятія не было объ иной, лучшей жизни. Но нынче это понятіе распространилось, почти весь народъ теперь знаетъ, а въ ближайшіе годы еще лучше узнаетъ, отчего свободные и образованные народы побѣждаютъ несвободныхъ и необразованныхъ (какъ насъ побѣдила Японія). Шила въ мѣшкѣ вѣдь не утаишь—всѣмъ это становится ясно, словно бѣлый день, и чѣмъ больше понимаютъ это люди, тѣмъ громче и сильнѣе требуютъ полной перемѣны въ нашемъ государствѣ, а, прежде всего, равенства всѣхъ людей, уничтоженія особенныхъ, лучшихъ правъ у стараго дворянскаго сословія и у его ставленниковъ—чиновниковъ. Всѣ этого громко требуютъ, еще сильнѣй въ душѣ своей желаютъ,—какъ же можно тутъ кому бы то ни было заставить людей позабыть свои желанія и свой насущный интересъ?

V.

Какимъ путемъ достигается свобода?

У всѣхъ нынѣшнихъ образованныхъ народовъ прежде было крѣпостное право, всюду дворянство имѣло въ своихъ рукахъ власть надъ всѣми людьми въ государствѣ, и всюду народъ былъ въ большомъ угнѣсненіи у господъ помѣщиковъ и у помѣщичьяго правительства до тѣхъ поръ, пока у всего народа денежное хозяйство не выросло до такой степени, что нельзя становилось людямъ жить подъ крѣпостнымъ управленіемъ. Тогда наставало время огромной смуты въ каждомъ государствѣ (напр., въ Англіи 200 лѣтъ назадъ, а во Франціи — 100 лѣтъ позже). Смута же наставала по той причинѣ, что старые господа ни за что не соглашались на отмѣну старыхъ порядковъ и по доброй волѣ не уступали народу ни

одной шепотки свободы. Народъ, со своей стороны, не могъ позабыть своего требованія, потому что, въ самомъ дѣлѣ, весь народъ уже отсталъ отъ старинныхъ способовъ добыванія себѣ хлѣба, а новые, большею частью, денежные способы заработка кругомъ стѣснялись старыми прижимками. Народу съ каждымъ днемъ и съ каждымъ часомъ становилась свобода все нужнѣй, а дворянству съ королями она была горше рѣдки, потому что вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, со свободою они оставались бы, просто, ни при чемъ, а дѣлать что-либо иное, кромѣ какъ по-нукать подневольными людьми,—они не научились, да и ни къ чему иному охоты не имѣли. У дворянъ ужъ съ самаго дѣтства (а иногда еще во чревѣ матери) назначалось: этому-то быть министромъ, тому-то—посломъ при чужомъ королѣ, тому-то—генераломъ, сенаторомъ, адмираломъ, архіереемъ; а ужъ купцами, фабрикантами, ремесленниками, рабочими, крестьянами—это должны были быть люди изъ другихъ, низшихъ сословій. Дворянинъ счелъ бы для себя за бѣду, за несчастье, неутѣшное горе и срамъ, если бы судьба заставила его пойти по какой-либо неблагородной части. Понятно послѣ этого, что для нихъ такое была—свобода. При свободѣ къ каждому занятію, въ томъ числѣ, и на министерскія, генеральскія должности люди должны итти по способностямъ своимъ, значить, по выбору и общему мнѣнію всего народа, а не по одному только рожденію да по желанію какой-либо тетюшки или бабушки. Значить, свобода для благородныхъ господъ—та же смерть. Оттого на нихъ нападали великій ужасъ всякій разъ, когда народъ въ какой-либо странѣ доходилъ до громкаго требованія свободы. Они сейчасъ же посылали войско во всѣ тѣ мѣста, гдѣ только слышались крики о свободѣ, и войскамъ отдавался сердитый приказъ истреблять всѣхъ бунтовщиковъ безъ всякой жалости. Войска стрѣляли, кололи и рубили, и, правда, на короткій срокъ усмиряли дерзкихъ людей въ томъ мѣстѣ; но черезъ недолгій же срокъ и отъ самыхъ этихъ новыхъ дворянскихъ стѣсненій свобода становилась

для всѣхъ еще нужнѣй и милѣй, потому что ее, словно суженаго, конемъ не объѣдешь. Правительства опять принимались за оружіе, для вѣрности еще пускались на всякія хитрости, на подкупы вожаковъ народныхъ и проч.; но ничто не помогало. Мечта о свободѣ разлеталась по людскимъ головамъ все шире, забиралась туда все крѣпче, словно какая зараза, и въ самихъ войскахъ все меньше замѣчалось старинной вѣрности, все меньше охоты бросаться на людей по всякому приказанію. Оно и понятно, вѣдь войска набирались все изъ того же народа.

Между тѣмъ наставало время, что правительство быстро теряло свою силу. Это непременно приходило и тоже вполне понятно, по той же причинѣ, по какой народу требовалась свобода. Вѣдь народу свобода становилась потребна именно потому, что приходилъ просто зарѣзъ безъ нея: ни въ какомъ ремеслѣ, ни въ какомъ занятіи, городскомъ или деревенскомъ, невозможно становилось вести выгодно свои дѣла или получать для себя пропитаніе, потому что каждому ремеслу и занятію становились поперекъ дороги господа дворяне и правительство. Дворяне и правительство зря забирали послѣднія средства, послѣднія силы у cadaго жителя государства и еще злobiliсь на всѣхъ жителей, что они строптивы. Но противъ правды-то, въ концѣ концовъ, не пойдешь. По правдѣ же выходило такъ, что конецъ приходитъ всякой возможности жить въ государствѣ, а въ томъ числѣ, значить, и брать какую-либо дань дворянамъ и казнѣ съ народа. И оттого казна и дворяне послѣ долгихъ лѣтъ полнаго благополучія и роскоши вдругъ принимались слабѣть и лишаться своихъ доходовъ.

Вотъ тутъ-то наставалъ, наконецъ, день побѣды для народныхъ требованій. Чѣмъ больше упрямилось дворянское правительство, чѣмъ дальше завело оно народную бѣду, тѣмъ больше отнимало оно силу и у самого себя. По всей странѣ его дѣла приходили въ скорый и непоправимый упадокъ. Все управленіе его останавливалось, чиновники и армія не получали жалованья и теряли

охоту и усердіе къ службѣ. Неудовольствіе правительствомъ расходилось все дальше и дальше и, когда, наконецъ, въ казнѣ не оставалось гроша мѣднаго, при огромныхъ долгахъ иностраннымъ богачамъ, тогда настала минута кончины для старинныхъ порядковъ, и немного уже труда требовалось, чтобы всѣмъ народомъ установить свои новые, свободные порядки.

Такъ оно и у насъ совершается все, какъ по писанному. Еще 45 лѣтъ назадъ у насъ доходило дѣло, какъ раньше было разсказано, до того, что всѣмъ людямъ въ государствѣ стало невозможно существовать при старинныхъ, подневольныхъ порядкахъ. Всѣ были ими недовольны, въ томъ числѣ и дворяне, которымъ съ крѣпостныхъ душъ не стало никакой возможности жить, по-прежнему, припѣваючи. И, не глядя на огорченіе тѣхъ же дворянъ, что у нихъ изъ-подъ руки уходитъ старинный вѣрный рабъ, пришлось все-таки этому рабу дать кое-какую свободу. Только у насъ, не какъ въ другихъ государствахъ европейскихъ, дѣло обошлось лишь половиной свободой да кое-какими небольшими переменами въ управленіи и въ судѣ; дворянскому же сословію и правительству удалось оставить за собою верховную власть въ государствѣ надъ всѣми прочими людьми. У насъ не дошло тогда дѣло до перемены самаго правительства, какъ во Франціи и Англіи, у насъ дворянство не допустило даже прочихъ людей до участія въ обсужденіи и въ установленіи новыхъ законовъ (какъ это было въ Пруссіи), у насъ вышла переменна только внизу, а вверху все осталось на своихъ мѣстахъ. По-прежнему, всѣ важныя для огромнаго множества людей дѣла рѣшались гдѣ-то въ темнотѣ, наверху, и никто изъ того множества людей не имѣлъ права носа сунуть туда, гдѣ, можетъ быть, навѣки рѣшалась судьба каждаго. По старинному, всѣ государственныя должности оставались для кормленія благородныхъ господъ, и, по старинному, ихъ бабушки и нянюшки имѣли полное право еще въ колыбели назначать своимъ мальчишкамъ будущее важное занятіе:

тотъ будетъ министромъ, тотъ—генераломъ, Коленка—сенаторомъ, Сонечка—губернаторшей.

У насъ вышло иначе, чѣмъ за границей, для дворянъ какъ будто и выгоднѣй. Однако выгода эта была только видимая, только на первыхъ порахъ. Вѣдь, на самомъ-то дѣлѣ, народу стало не лучше, не свободнѣй, значить, и не выгоднѣй оттого, что на его шеѣ осталось сидѣть цѣликомъ все благородное сословіе. Совсѣмъ напротивъ, нашли только способъ вытягивать изъ него сокъ по новому, приставивши его къ разнымъ торговымъ, промышленнымъ и денежнымъ занятіямъ. Но, найдя такой новый способъ, дворянство ничуть не разсталось вѣдь со своимъ стариннымъ обычаемъ—выжимать изъ народа все, до послѣдняго, безъ всякой жалости и безъ оглядки. Вѣдь дворянство—не капиталисты, которыхъ доходъ оттого растеть, если рабочій лучше живетъ. Дворянству въ этомъ нѣтъ никакого интереса, оно выжимаетъ человека до конца, словно неживую вещь, словно, напр., лимонъ, который выжмешь, а шкуру выбросишь. Такъ оно и продолжало поступать, благо правительство было всегда ему роднымъ братомъ, а не супостатомъ.

Однако отъ судьбы своей не уйдетъ и самый благородный господинъ. Дворянству у насъ вышла только порядочная отсрочка, а вовсе не спасеніе. И вотъ въ наши дни мы снова, черезъ 45 лѣтъ, пришли къ такому положенію дѣла, что никому, ни даже самому бывшему крѣпостному дворянству невозможно прожить при старыхъ порядкахъ. И у насъ, какъ въ другихъ государствахъ, требуется остальная главная половина свободы, которой народъ не дополучилъ въ свою пользу при освобожденіи крестьянъ. Когда же дѣло доходитъ до этого, когда—куда ни кинь, никому больше невозможно становится существовать по старому, тогда-то открывается передъ людьми прямой путь къ свободѣ.

Обратите же вниманіе, кто изъ всего громаднаго народа въ наши дни можетъ рассчитывать еще прожить, хоть не вполне благополучно, но все-таки безъ особаго

страха за свой завтрашній день—ни шатко, ни валко? Кто изъ русскихъ людей можетъ, не кривя душой, похвалить нынѣшніе порядки и на нихъ твердо понадѣяться въ своихъ дѣлахъ? Никто этого не можетъ, даже само правительство и дворянство, какъ они ни упираются противъ свободы всего народа.

Въ самомъ дѣлѣ, поглядимъ на крестьянъ, напр., хорошее ли имъ житье? Объ этомъ почти и говорить нечего, всякому извѣстно, до чего изголодались и оплошали нынче наши крестьяне въ самыхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ. Крестьянинъ считается за такого человѣка, который самъ хлѣбомъ живетъ да еще и весь городской народъ кормитъ хлѣбомъ отъ своихъ трудовъ. Но такихъ крестьянъ почти уже и не сыщешь въ этихъ именно изстари хлѣбородныхъ губерніяхъ (а въ другихъ—или крестьяне занимаются землей только отчасти, а больше какими-либо промыслами, или же изъ крестьянъ вышли уже капиталисты, которые живутъ не своимъ трудомъ, а трудомъ пришлыхъ батраковъ изъ чужихъ губерній—такъ, напр., на Дону, въ Крыму въ разныхъ мѣстахъ Сибири); большая же часть прежнихъ сѣрыхъ замлепашцевъ давнымъ давно уже живутъ, какъ нищіе, своего хлѣба со своихъ полосъ хватаетъ имъ развѣ до Покрова, рѣдко до Рождества, и всю почти зиму и весну хлѣбъ прикупаютъ на сторонѣ: денегъ, конечно, у нихъ не бываетъ, такъ покупаютъ хлѣбъ въ долгъ, подъ всякіе отработки или съ отдачей изъ урожая вдвое и втрое. Такъ что, на самомъ дѣлѣ, исконные крестьяне изъ самага сердца Россіи давно уже перестали и быть крестьянами, осталось только одно названіе. И хозяйства-то за ними почти не осталось вовсе, чуть не на половину обходятся они безъ лошадей и коровъ, а какое же землепашество мыслимо безъ скотины? Одинъ смѣхъ только, смѣхъ и горе! Деревня нынѣшняя скорѣй всего похожа на огромнѣйшую богадѣльню, гдѣ люди живутъ, щелкая зубами, только потому, что смерть не приходитъ, а уйти изъ дому некуда—все равно нигдѣ пропитанія своего не достанешь. Прежде немыслимо было найти деревню, гдѣ бы

не было стараго человѣческаго товарища — собаки, а нынче въ иной деревнѣ хозяева, съ общаго совѣта, рѣшаютъ перебить въ одинъ день всѣхъ собакъ, потому что и стеречь-то стало совсѣмъ нечего, да и кормить животное невозможно, когда самимъ ѣсть нечего; а слушать вой голоднаго пса тоже куда невесело. Конечно, главная причина здѣсь въ томъ, что земли у крестьянъ стало совсѣмъ мало, да и земля, при давней безхозяйности нашихъ крестьянъ, понемногу вовсе выпахалась, перестала родить. Ни арендой, ни покупкой земли безхозяйный человѣкъ себѣ самъ помочь не можетъ, вовсе потерявши силу, переселиться да сыскать заработковъ могутъ себѣ, какихъ-нибудь, изъ 10 одинъ человѣкъ, да и тѣмъ радости выходить мало. И вотъ отъ 80 до 100 милліоновъ крестьянъ стоятъ на краю гибели и вымираютъ. Спасти ихъ при нынѣшнихъ порядкахъ нѣтъ никакой возможности, спасти ихъ можетъ только хорошая нарѣзка земли. А нарѣзка земли — значить, надо эту землю откуда-то взять, много вѣдь надо земли-то для 100 милліоновъ народу; земля же, незаселенная крестьянами, имѣется лишь у помѣщиковъ у удѣла (т. е. у царской фамиліи — у главныхъ дворянъ) да у казны. Значить, чтобы спасти крестьянъ надо землю отобрать у дворянства и у правительства, а это значить, — отнять у старинныхъ нашихъ господъ всю ихъ силу, просто, прекратить навѣки ихъ распоряженіе всею Россіей. Такъ дѣло обстоитъ съ крестьянами.

Теперь возьмемъ другой разрядъ нашего народа — мастеровыхъ рабочихъ по городамъ, желѣзнымъ дорогамъ и на разныхъ заводахъ, фабрикахъ и промыслахъ. Большая часть этого народа совсѣмъ уже отстала отъ пашни и отъ сохи, а много есть молодежи, которая и понятія уже не имѣетъ, что за деревня такая. У этого народа — свой особенный интересъ, ему не нужна нарѣзка земли, а нужно, все равно, какъ и сельскому батраку въ помѣщичьей экономіи, хорошее содержаніе отъ хозяина да еще, чтобы не изнуряли работой хозяева сверхъ силы. Между тѣмъ добиться своей пользы рабочему отъ хозяина добромъ

почти нѣтъ никакой возможности; хозяинъ, хоть и понимаетъ иной разъ, что рабочіе требуютъ правильно и даже лучше стануть на него работать, при меньшей прижимкѣ, но жадность никакъ не допускаетъ хозяина уступить, да еще боится онъ всегда, что другіе хозяева его поборютъ, коли у нихъ на рабочихъ меньше выходитъ издержекъ. Рабочимъ остается одно только средство съ жадными хозяевами—бросить работу, забастовать да еще, для вѣрности успѣха, составить союзъ своего ремесла да кассу при немъ на случай забастовки. Но какъ только у насъ гдѣ-либо рабочіе забастуютъ, а особенно еще, если осмѣлятся завести между собой союзъ и кассу, такъ является полиція, начальство и войска и принимаются рабочихъ усмирять, чтобы они не смѣли-де бунтовать. И какъ бы ни правильно требовали рабочіе прибавки жалованья или уменьшенія работы и разныхъ другихъ необходимыхъ правъ, все равно, ихъ требованіе называется бунтомъ, и упрямыхъ бунтовщиковъ начальство сажаетъ по тюрьмамъ, высылаетъ на родину, судъ присуждаетъ даже въ Сибирь и каторгу. Начальство не смотритъ даже на то, что часто хозяинъ самъ бываетъ всему виною, что самъ хозяинъ норовитъ, при нынѣшней дороговизнѣ, всячески урвать у рабочаго копейку. Это все равно для начальства—бунтъ, и никакихъ! А отчего такъ стоитъ начальство, т. е. то же самое старо-дворянское правительство, за хозяевъ-капиталистовъ? Вѣдь капиталисты-то—не дворяне. Это правда, но мы вѣдь уже знаемъ, что послѣ освобожденія крестьянъ все дворянство, вмѣстѣ съ правительствомъ, кормится около денежныхъ дѣлъ, а дѣла эти ведутъ капиталисты, оттого и приходится правительству всячески стараться за хозяевъ, во вредъ рабочимъ. И долго боролись наши рабочіе съ хозяевами да съ правительствомъ за разъ, но почти все, чего добивались, отъ нихъ скоро назадъ отнималось. Наконецъ, почти весь рабочій народъ почувствовалъ, что такъ долше не прожить. И такъ ужъ рабочему человѣку приходится тяжело при городской во всемъ дороговизнѣ, когда еще притомъ во

всякую минуту можно остаться безъ заработка и съ семьей оказаться на улицѣ; и такъ ужъ тяжело бываетъ чего-либо добиться отъ упрямыхъ и жадныхъ хозяевъ, а тутъ еще вѣчно путается подъ ногами кто-то третій, кому бы и дѣла тутъ, кажется, не было. Рабочіе понимаютъ, что съ одними капиталистами имѣть дѣло было бы куда легче и проще, а при теперешнихъ законахъ и порядкахъ будетъ все хуже. И вотъ, рабочимъ, какъ и крестьянамъ, оказывается, нужно освободиться отъ крѣпостного камня на шеѣ. Всему народу, живущему трудомъ рукъ своихъ, нужна окончательная свобода.

Однако и всѣмъ денежнымъ людямъ, отъ крупныхъ капиталистовъ до мелкихъ лавочниковъ и торговцевъ— всѣмъ становится немыслимо получать спокойно свой барышъ при старинныхъ порядкахъ. Прежде всего, легко бываетъ получать барышъ съ зажиточнаго народа, когда же весь народъ обнищаль, то тутъ приходится денежному человѣку отрывать свою прибыль отъ человѣка съ живымъ мясомъ и кровью, а ужъ это не такъ просто и безопасно; да и на одну и ту же нищенскую копейку является со всѣхъ сторонъ столько охотниковъ, что добывать свою наживу имъ всѣмъ становится очень ужъ трудно. Въ выгоду остаются только самые проворные и оборотистые торговцы, а другіе, которымъ прежде была полная возможность наживаться, терпятъ убытокъ, а то и вовсе разоряются. Это касается до мелкаго денежнаго люда, всякихъ кулаковъ, прасоловъ да лавочниковъ и подрядчиковъ; но и самымъ богатымъ капиталистамъ настало у насъ большое стѣсненіе въ дѣлахъ. Когда весь народъ бѣднѣетъ, то въ этомъ не можетъ быть большой выгоды для богатаго капиталиста. На фабрикахъ, заводахъ, въ крупныхъ торговляхъ товару всякаго наготовляется все въ прежнемъ размѣрѣ, а то и много больше прежняго, а покупаетъ его обнищальный народъ все меньше. Товаръ залеживается, оборота денегамъ нѣтъ, и капиталисты терпятъ большіе убытки. Вообще, для богатыхъ капиталистовъ самое первое дѣло—это, чтобы въ государствѣ не было никакой задержки обороту

денегъ; изъ этого оборота постояннаго и быстраго они больше всего и наживаются. Между тѣмъ, въ наши дни, сперва отъ войны, потомъ отъ общаго неудовольствія и отъ борьбы, во всей странѣ стало до крайности неспокойно, и какой будетъ здѣсь постоянный оборотъ денегъ, если каждый боится, какъ бы его деньги не пропали при разныхъ случаяхъ погромовъ, забастовокъ, остановокъ желѣзной дороги, почты и телеграфа и проч? Тутъ денежные, богатые люди скорѣй думаютъ уже не объ оборотѣ своихъ денегъ, а о спасеніи ихъ. Они стараются наскоро прикончить свои дѣла, распродать имущество, а деньги свои перевести въ заграничные банки. Отъ этого же еще больше уменьшается въ Россіи торговля и промышленность, значить, еще больше теряется у бѣдныхъ людей заработокъ, народъ все сильнѣй разоряется.

Плохая нынче настала у насъ жизнь для всѣхъ! Даже и для богатыхъ людей вся выгода состоитъ въ томъ, чтобы ввелась у насъ, наконецъ, полная свобода, значить, чтобы отнята была окончательно вся сила у прежнихъ нашихъ господъ. Однако, и самимъ этимъ господамъ не сладко приходится при всеобщей бѣдѣ. Понятно всякому, что съ вымирающихъ отъ голодухи крестьянъ не придется уже дворянству выбирать столько аренды, сколько прежде, и отработками немного возьмешь, когда у крестьянъ съ каждымъ годомъ пропадаетъ все хозяйство. Понятно тоже, что въ казну немного наберутъ самые усердные становые и урядники, когда все почти крестьянство состоитъ уже въ безнадежныхъ недоимщикахъ; и даже водки у казны сталъ народъ покупать куда меньше прежняго, потому что скоро пропивать уже будетъ нечего. На керосинѣ, на спичкахъ, чаѣ, сахарѣ и прочихъ товарахъ, съ которыхъ идетъ доходъ въ казну, тоже теряется все больше и больше, какъ ни старается правительство увеличивать всѣ эти налоги. И если бы въ казну деньги шли лишь съ народа, то уже сейчасъ казна была бы пуста. Не надо тоже забывать, во что обошлась японская война: одни потерянные корабли стоили до 200 милліоновъ руб-

лей, а всё-то расходы—куда больше! Всё эти расходы и всё свои недоимки казна должна покрывать займами у чужихъ народовъ, и множество уже назаняла — будутъ еще наши внуки почесываться изъ-за этихъ займовъ, выплачивая по нимъ проценты. Теперь же настала пора— ни французскіе, ни нѣмецкіе, ни американскіе богачи больше не соглашаются давать денегъ нашей казнѣ, потому что опасаются вовсе ихъ назадъ не получить, коли вся російская страна разорена. Изъ этого видно, что скоро ли, или не такъ скоро, а придетъ минута — сама казна, само правительство поневолѣ признается, что ему больше нѣтъ возможности править людьми по старому, и тогда весь народъ возьметъ поправлять казенные грѣхи.

Дворянство же, надо сказать, еще съ самаго освобожденія крестьянъ, несмотря на всю поддержку казны, несмотря на огромные доходы отъ прижимки крестьянства, все-таки таяло и таяло, съ каждымъ годомъ, словно воскъ: все-таки ничто не оказалось на пользу нѣжному дворянскому сословію. Со времени освобожденія крестьянъ изъ рукъ дворянства ушла большая часть земель, состоявшихъ за нимъ, а остальные земли дворянскія давно опять-таки заложены и перезаложены. За 45 лѣтъ въ руки дворянства поступило выкупныхъ платежей и всякихъ иныхъ ссудъ и пособій отъ казны больше 1000 милліонѣвъ рублей, и почти ничего изъ этой огромной суммы не пошло на укрѣпленіе дворянскаго хозяйства, все, по большей части, зря, безъ толку проѣдено, прокучено, проиграно, прожито. Какъ будто самой судьбой указано было окончиться благородному сословію. И вотъ теперь ко всему прочему присоединились всякія крестьянскія волненія и погромы. Дворянскія земли страшно падаютъ въ цѣнѣ, доходы съ имѣній не поступаютъ—конецъ приходитъ. При такихъ дѣлахъ нѣтъ больше никакой надежды дворянству на старинное раздолье. Дворяне бѣгутъ изъ послѣднихъ помѣстій и уже мечтаютъ, самое лучшее, продать за новыя деньги свои родовыя помѣстья крестьянамъ. Этого, впрочемъ, давно надо было ожидать, потому-

то кто поумнѣй изъ дворянства, тотъ еще съ давнихъ поръ стоялъ за окончательное освобожденіе народа, за новое надѣленіе крестьянъ, за всенародное управленіе странюю. Они надѣялись этимъ способомъ, умиротворивши крестьянъ, спокойно прожить на оставшихся своихъ земляхъ, мирными сосѣдями крестьянъ. Но этихъ помѣщиковъ не послушали, старались всюду расправляться по крѣпостнически, и вотъ теперь заходить уже дѣло не о какомъ-нибудь надѣленіи частью земли, а о передачѣ всей помѣщицкѣй земли крестьянамъ.

Такъ-то, оказывается, повернулись теперь дѣла. Для трудового народа, при старыхъ порядкахъ, не остается никакой возможности даже сколько-нибудь прокормиться, свобода ему нужна, какъ хлѣбъ; для денежныхъ людей, богатыхъ капиталистовъ, невозможно вести свои дѣла, а для тѣхъ, кому старые порядки только и нужны—нѣтъ возможности ихъ продолжать. Они, конечно, будутъ еще упираться противъ всего народа, но, когда ихъ же глаза, наконецъ, увидятъ, что противъ нихъ—даже не люди, а сама судьба, то руки у нихъ опустятся. Нетрудно будетъ тогда взять свободу всему народу своими могучими руками.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Уже въ прошломъ, 1905 году, правительству нашему пришлось сознаться, что у него нѣтъ больше силы справиться съ разореннымъ хозяйствомъ всего народа. Царь нѣсколько разъ въ теченіе года объявлялъ народу, что желаетъ ввести разныя свободныя перемѣны, а 6-го августа объявилъ о созывѣ Государственной Думы, гдѣ народные выборные сами будутъ обсуждать всѣ новые законы, которые народу потребны. 17-го октября царь еще больше далъ обѣщаній: обѣщался, что, вообще, ни одинъ законъ не будетъ впередъ считаться настоящимъ закономъ безъ согласія Думы. Но это и обозначаетъ конецъ всякимъ остаткамъ даже крѣпостного права, потому что, разъ на-

родъ имѣть какую-либо власть надъ самими законами, то, значить, уже за людьми существуютъ человѣческія права, а не права простой вещи; народъ, худо ли, хорошо ли, становится хозяиномъ всѣхъ самыхъ важныхъ своихъ дѣлъ, хозяиномъ всей страны, а не послушнымъ дворянскимъ слугою. 17-го октября объявленъ конецъ самодержавію въ Россіи, а вѣдь самодержавіе-то и есть—самая вершина, самое святое мѣсто крѣпостного права. Коли всѣ жители огромнѣйшей страны состоятъ въ полномъ и безотвѣтномъ распоряженіи одного верхняго чело-вѣка, то вѣдь этотъ чело-вѣкъ для нихъ — настоящій крѣпостной баринъ, который можетъ, когда хочетъ и сколько хочетъ, своихъ крѣпостныхъ подданныхъ лишать имущества, заставляя работать на себя, ссылать въ Сибирь или отправлять подъ красную шапку, сѣчь розгами или нагайками, стрѣлять, вѣшать и проч. 17-го же октября обѣщанъ намъ былъ конецъ всего такого безотвѣтнаго порядка, и за все-про все правительство обязывалось теперь отвѣчать передъ всѣми людьми государства и ихъ во всемъ спрашиваться.

Однимъ словомъ, у насъ теперь должны наступить тѣ самые порядки, какіе имѣются во всѣхъ образованныхъ странахъ, напимѣръ, въ Японіи, въ Германіи, Англии. Тамъ тоже ихъ императоры и короли потеряли свою прежнюю, безотвѣтную, крѣпостную власть надъ жителями, и жители выбираютъ своихъ выборныхъ въ парламентъ, и въ этомъ парламентѣ обсуждаются и устанавливаются всѣ права, всѣ законы, которые, по временамъ, бываютъ потребны для новой, свободной жизни. Въ своихъ парламентахъ тамошній народъ отмѣнилъ всѣ особо-выгодныя права, какими пользовались въ прежнее время и у нихъ дворяне-помѣщики. Для всѣхъ людей изданы тамъ одинаковые законы, и главная суть тѣхъ законовъ въ томъ состоитъ, что всякій чело-вѣкъ въ государствѣ воленъ устраивать свою жизнь, какъ только самъ пожелаетъ, никакихъ опекуновъ стороннихъ не спрашиваясь; воленъ вѣрить по такой вѣрѣ, какая ему нравится, а не какая по

сердцу становому приставу или казенному миссіонеру; воленъ писать, говорить и печатать все, что только считаетъ полезнымъ сообщить своимъ товарищамъ или всему народу; воленъ и вступать въ какіе хочетъ товарищескіе союзы съ людьми, напр., хотя бы для защиты себя и другихъ рабочихъ отъ жадности и прижимокъ хозяина-фабриканта и т. п. И за все это не только не могутъ тамъ никого обидѣть, но если бы кто обидѣлъ за это, хотя бы самый знатный дворянинъ или министръ, то обидчикъ строго отвѣчаетъ передъ судомъ деньгами и прочими наказаніями. Судятъ же всѣ такія дѣла и всѣ прочія дѣла опять-таки выборные отъ народа же мировые судьи или присяжные засѣдатели. Такъ что со всѣхъ сторонъ самъ народъ наблюдаетъ за своею свободой и никому не позволить отнять отъ нея малѣйшій лоскутокъ. Да и сами министры, само высшее правительство, заправляющее чиновниками, полиціей, войскомъ, морскою частью, наблюдающее за порядкомъ въ торговлѣ и промыслахъ и проч., составляется (въ Англіи) опять-таки изъ народныхъ выборныхъ, по желанію большинства народа, а не по королевскому или дворянскому приказу. Королю тутъ остается только слушаться да подписывать, наибольше же—подавать свой голосъ, наравнѣ съ министрами. Да если бы въ такомъ свободномъ порядкѣ измѣнить хотя бы каплю, оставить въ немъ хотя бы крохотную щелку, то ужъ обязательно бы въ ту щелку старинные бары просунули свой носъ и постарались бы сквозь нее подсыпать народу крѣпостничества.

Надо признаться, что это все-таки случается въ сказанныхъ сейчасъ странахъ—въ Японіи, Германіи, въ Англіи. И случается это именно по той причинѣ, что, какъ ни налаживай новые, свободные порядки, какъ умно ни пригоняй винтикъ къ гаечкѣ, колесо къ колесцу, какъ ни отчетливо пиши въ законѣ о правахъ парламента, о правахъ суда, правахъ министровъ и о свободѣ каждого человѣка, но все же главная сила не въ правахъ, написанныхъ на бумагѣ, а въ томъ, сколько силы осталось

за старинными крѣпостниками, на самомъ то дѣлѣ. Сила же настоящая у крѣпостниковъ, мы знаемъ, въ чемъ состоитъ: въ землѣ, въ томъ, что изъ всего народа они владѣютъ большей частью земли, т. е., значить, большею частью государства. И тутъ какъ ни пиши законы, а сильный человѣкъ все останется сильнымъ человѣкомъ, и, хоть самъ клятвенно откажется отъ всѣхъ своихъ благородныхъ льготъ и правъ, а все-таки можетъ многими людьми командовать, насколько тѣ люди нуждаются въ землѣ; а вѣдь кто же изъ людей такъ или иначе въ землѣ не нуждается? Все, что люди ѣдятъ, пьютъ, чѣмъ одѣваются, обуваются, согрѣваются, освѣщаются и проч.,—все идетъ спервоначала отъ земли. Съ этого-то конца и держатъ старинные дворяне, въ тѣхъ свободныхъ странахъ, весь народъ подъ своею властью. Конечно, власть эта ужъ далеко не прежняя, не крѣпостная, и въ странахъ этихъ, конечно, живетъ людямъ въ 100 разъ легче, чѣмъ у насъ, но все-таки дворяне тамъ больше всѣхъ имѣютъ силы. Вотъ, на примѣръ, въ Германіи министры все еще назначаются самимъ императоромъ, по его желанію, хоть и противъ желанія всего народа, и въ правительствѣ сильный вѣсъ имѣютъ всегда знатные дворяне, изъ нихъ почти и назначается все правительство. Въ Англіи же до сихъ поръ, кромѣ народнаго парламента, имѣется еще старинная «палата лордовъ» (т. е. знатныхъ помѣщиковъ), гдѣ засѣдаютъ уже не по выбору, а по наслѣдству, знатные господа, по большей части, помѣщики; и они имѣютъ право запретить всякій законъ, какой приметъ «нижняя палата» (т. е. настоящій, народный, выборный парламентъ). Правда, лорды рѣдко осмѣливаются итти противъ народа, но все же это случается—значить, есть за ними сила. Сила же за ними—оттого, что вся почти англійская земля—въ ихъ собственномъ владѣніи, мелкихъ владѣльцевъ и крестьянъ тамъ вовсе почти нѣтъ. Оттого же сила за дворянами и въ Японіи, и въ Германіи. Такая ли же свобода, подъ дворянскимъ надзоромъ, ожидаетъ и нашу Россію?

Думается, что не совсѣмъ такая. Въ тѣхъ странахъ народъ, большею частью, занятъ по торговлѣ и промысламъ, а у насъ огромная часть народа знаетъ только землю. Народъ нашъ огромный, а для того, чтобы такому огромному земледѣльческому народу стало возможно хоть дышать, а не то, что жить, какъ тѣ образованные народы,—для этого много надо земли ему прирѣзать, взять же такую землю негдѣ, какъ у дворянства и прочихъ крупныхъ владѣльцевъ да у казны и удѣловъ (царской фамиліи). Такъ что у насъ никакъ не можетъ, при свободѣ, остаться за благородными крѣпостниками ни столько земли, ни столько силы, сколько въ тѣхъ сильно-дворянскихъ государствахъ. У насъ можно ожидать иного. Когда наладится наша свобода, то окажется у насъ очень-очень мало и дворянства и земли за нимъ, и его старинныхъ льготъ. Нашъ народъ будетъ управляться гораздо больше самъ собою, и наша страна скорѣй будетъ похожа на маленькую сосѣднюю намъ страну Норвегію, гдѣ вовсе нѣтъ никакого дворянства, и права людей между собою гораздо больше одинаковы. Тамъ и король имѣетъ власть очень небольшую.

Не надо только думать, что отъ такого будущаго нашего устройства у насъ сразу же станетъ гораздо лучше для народа, чѣмъ въ Англіи, напр. Съ государствами дѣло такъ скоро и легко не устраивается, и не надо того забывать, что въ Англіи крѣпостному праву вотъ уже 500 лѣтъ, какъ поютъ отходную, а у насъ и 50 лѣтъ нѣту. Въ Англіи неграмотнаго человѣка почти не встрѣтишь, народъ весь издавна образованный, а у насъ по деревнямъ до сихъ поръ колдунамъ вѣрятъ да тучу колокольнымъ звономъ въ гости приглашаютъ. Это—огромная разница, а разница эта оттого происходитъ, что денежные обороты наши передъ англійскими—все равно, что какая-нибудь деревенская ярмарка передъ Нижегородскою. Въ Англіи народъ издавна, какъ въ котлѣ кипитъ весь въ разныхъ коммерческихъ и промышленныхъ дѣлахъ, по такимъ дѣламъ—это первый народъ въ мірѣ, всю землю онъ опуталъ своими денежными дѣлами; поэтому намъ

много-много еще надо, чтобы сравняться съ ними и по дѣловитости, и по образованію, и тоже по умѣнью обращаться со своими правами, со своею свободою. Всякій англичанинъ хорошо знаетъ, чего стоитъ для него свобода, и ужъ не дастъ никому себѣ палецъ прикусить. У насъ же сколько народа, особенно деревенскаго, до крайности привыкло состоять подъ чьей-либо командой! Иной чело-вѣкъ у насъ безъ такой команды—въ родѣ, какъ потерянный! Эта злая болѣзнь, навязанная намъ крѣпостнымъ правомъ, нескоро, нескоро еще сойдетъ съ насъ, и много еще будетъ отъ нея бѣды нашей свободѣ!.. Однако, хорошо то, что будетъ у насъ—можно на это надѣяться—вынуть самый фундаментъ изъ-подъ ногъ стариннаго крѣпостничества, чего нѣтъ покамѣстъ и въ Англіи.

Однако и самая полная свобода отъ дворянскихъ еже-выхъ рукавицъ и отъ самодержавія все еще не принесетъ намъ полного счастья. Это можно видѣть еще по одной образованной странѣ—именно, по Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ («соед. штаты» значитъ—«соединенныя государства»). Эта страна—совершенно свободная, нѣтъ тамъ вовсе дворянства и, вообще, нѣтъ земельного притѣсненія, нѣтъ и въ поминѣ крѣпостничества. Отъ короля англійскаго они отдѣлились уже 150 лѣтъ назадъ, и съ тѣхъ поръ управляютъ сами собою, своими выборными. Мало того, у нихъ даже, вообще, правительство не имѣетъ большой силы, и каждый «штатъ» (т. е. «государство»—такъ у нихъ зовется каждая губернія) самъ имѣетъ свое правительство и самъ себѣ придумываетъ законы, какіе ему надобны. Но, какъ ни вольно живетъ людямъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а нѣтъ и тамъ для народа вѣрнаго и безопаснаго житья. Причина тутъ опять-таки—деньги. Крѣпостнаго права нѣтъ тамъ и слѣда, и деньги всѣмъ командуютъ уже на полной волѣ. И оказывается (какъ мы видимъ, впрочемъ, и у себя дома) у денегъ такое свойство, что онѣ отнимаютъ настоящее равенство у людей: за кѣмъ больше денегъ, тотъ и сильнѣй, тотъ и можтъ другими

распоряжаться—до того, что иной разъ получше, пожалуй, крѣпостного права. Нигдѣ нѣтъ такихъ богатѣйшихъ милліонеровъ, какъ въ Соед. Штатахъ, и милліонеры ихъ, черезъ свои деньги, вертятъ всѣмъ міромъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше власти захватываютъ, а отъ прочихъ жителей своей страны начинаютъ уже требовать полного послушанія, словно отъ крѣпостныхъ своихъ или отъ вещей. Все закупаютъ они вокругъ себя, и порядочно продажныхъ людей соглашаются по ихъ желанію говорить, писать и издавать даже законы въ парламентахъ. Читатель подумаетъ: ужъ не дойдетъ ли тамъ до новаго крѣпостного права и до самодержавія?

Нѣтъ, этого бояться не приходится. Весь народъ, вообще, тамъ — очень ужъ образованный и любитъ всѣмъ сердцемъ свободу. Крѣпостного, рабскаго послушанія отъ народа тамошніе богачи никогда не дождутся, а коли имъ очень понадобится для ихъ хозяйственныхъ расчетовъ народное послушаніе, и коли они начнутъ его добиваться неправедною силою своего богатства, то выйдетъ для нихъ же худо. Народъ сдѣлаетъ новую перемѣну, новую реформу во всемъ государствѣ, новое освобожденіе—освобожденіе отъ каптала и отъ капиталистовъ. Введенъ будетъ новый порядокъ, еще небывалый на свѣтѣ, но совершенно необходимый, въ концѣ концовъ. Этотъ порядокъ зовется *соціалистическимъ*, и къ такому порядку уже всюду, въ томъ числѣ и въ Америкѣ, народъ обращаетъ свои глаза и свой умъ. Денежные люди оттого только и имѣютъ силу надъ прочими, что у нихъ находится, въ полной ихъ собственности, все устройство, которымъ добывается всякій необходимый для жизни всего народа товаръ. Капиталисты словно залегли у самага ключа, откуда струею бьетъ все, необходимое людямъ, и, по своей волѣ отмыкая или замыкая тотъ ключъ, они и могутъ выторговывать у людей свою прибыль. Вотъ, если всему народу принять въ свои руки этотъ ключъ народной жизни, если, значить, взять у капиталистовъ заводы, фабрики, рудники, желѣзныя дороги, склады, банки и

проч., и приняться управлять всѣмъ этимъ сообща, въ родѣ какъ и сейчасъ управляютъ у насъ разными общественными имуществами (напр., городскими)—т. е. черезъ народныхъ выборныхъ людей, вотъ тогда будетъ совсѣмъ иное дѣло: ни за однимъ человѣкомъ не будетъ ни богатства, ни силы больше, чѣмъ за всѣми прочими, и, значить, никому не будетъ особаго потворства въ государствѣ. Никто не будетъ захватывать особой власти надъ другими жителями: вѣдь взяться-то этой власти будетъ неоткуда. Тогда только всѣ жители государства станутъ, на самомъ дѣлѣ, равны между собою по силѣ, не будетъ господъ и слугъ, хозяевъ и хозяйскихъ вещей, а всѣ люди будутъ людьми, товарищами. Оттого такой придуманный уже издавна, да еще нигдѣ не введенный порядокъ и зовется «соціализмомъ»—значить, товарищескимъ порядкомъ. Человѣкъ можетъ быть настоящимъ человѣкомъ, а не вещью и не господиномъ ея только тогда, когда онъ со всѣми людьми станетъ *товарищемъ*,—а это невозможно, пока люди прижимаютъ другъ друга землею или капиталомъ.

Впрочемъ, до такого соціализма далеко еще и самымъ образованнымъ, издавна уже вышедшимъ на свободу народамъ. Даже въ Соединенныхъ Штатахъ никто не можетъ сказать, когда настанетъ такое хорошее время. А намъ, въ нашей необразованной, неграмотной, сѣрой, деревенской странѣ—куда и гадать про такую счастливую пору! Для насъ, по нашей сѣрости да захудалости, большое счастье уже и то, коли настанетъ у насъ свобода отъ крѣпостного права, въ родѣ англійской, или хоть въ родѣ японской, германской и норвежской. Давайте, заведемъ у себя эту маленькую свободу: по нашимъ крѣпостнымъ нынѣшнимъ порядкамъ, и такая-то свобода покажется огромною. Подумайте только, на примѣръ: никто не станетъ таскать рабочаго человѣка по участкамъ да по холоднымъ изъ-за паспортовъ, никому нельзя будетъ наѣзжать въ деревню для выколачиванья изъ бѣдняка «недоимки»! ничего этого не будетъ въ поминѣ, не станутъ наживать ни волост-

ные старшины съ волостныхъ, общественныхъ денегъ, ни господа министры, генералы и адмиралы—съ казенныхъ поставокъ! Никто не посмѣетъ запрещать народу учиться грамотѣ и читать какія угодно книги и газеты, насчетъ интересныхъ ему дѣлъ. Мало ли это для насъ, на первый-то разъ? Нѣтъ, очень много. И не снится многимъ русскимъ жителямъ такого небывалого счастья! Да еще сверхъ того, если будетъ возможность поправить свое хозяйство горемычнымъ крестьянамъ на новыхъ, порядочныхъ надѣлахъ, если отъ новой свободы размножатся гораздо сильнѣй разныя промысловыя занятія и заработки—такъ чего же и желать сейчасъ больше нашему народу, въ конецъ загнанному барами да барскими псарями? Нѣтъ, намъ бы судьба позволила пожить по нѣмецкому или хоть японскому примѣру, и то не нахвалимся! .

Однако, не будемъ забывать все-таки, что потомъ придется добывать и окончательную свободу. Это намъ нужно затѣмъ, чтобы знать напередъ, что съ завтрашней свободой мы получимъ лишь облегченіе своей жизни, и не пенять потомъ на эту небольшую все-таки свободу, не браниться на незадачу и будто чей-то обманъ. Вмѣсто такой брани мы завтра же, какъ выйдемъ на свободу, снова возьмемся за борьбу, не опустимъ своихъ рукъ, не поддадимся новымъ сильнымъ людямъ, которые тутъ развернутся на мѣсто крѣпостниковъ, а соберемся съ прочими товарищами, и объ руку съ ними добьемся когда-либо *соціализма*, настоящаго, человѣческаго, товарищескаго порядка во всемъ государствѣ.

Стефенсъ. Аграрный социализмъ въ Бельгii. Переводъ и предисловіе М. Сильвина, ц. 20 к.

Татанскій. Демократическая республика и Новая Зеландія, ц. 5 к.

Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. Переводъ Гершенсона, ц. 20 к.

К. Марксъ. Классовая борьба во Франціи, ц. 20 к.

Э. Марксъ. Классовое рабоче движение въ Англіи, съ предисловіемъ Либкнехта. Переводъ М. Переса ц. 10 к.

Минаевъ. 8-часовой рабочей день. Подъ ред. Н. А. Рожкова, ц. 10 к.

Лафаргъ. Капиталь и трудъ. Популярное изложеніе К. Маркса. Пер. Козеренко подъ ред. Никольскаго, ц. 25 к.

Канель. Фабричная медицина и бюрократія, ц. 8 к.

М. М. Шахназарьянцъ. Крестьянское движение и социальдемократія въ Грузіи, ц. 30 к.

В. Либкнехтъ. Изъ исторіи Германіи XIX вѣка. Переводъ подъ ред. И. Степанова, ц. 25 к.

Дивильковскій. Вольная земля и наше земледѣліе, ц. 10 к.

Минаевъ. Изъ исторіи рабочаго класса. Подъ ред. прив.-доцента Н. А. Рожкова, ц. 10 к.

Объ авархизмѣ. Переводъ съ нѣм. М. Переса, ц. 15 к.

Цезарь де-Палъ. Организациа обществ. учреждений въ будущемъ обществѣ, ц. 15 к.

Каутскій. Бернштейнъ и социальдемократическая программа. Полный переводъ съ нѣм. подъ ред. М. Г. Лунца, ц. 50 к.

А. Влюмъ. Какая свобода нужна рабочему классу, ц. 10 к.

Славиславъ (А. Вольскій). Къ вопросу о национализации земли, ц. 25 к.

А. Додель. Моисей или Дарвинъ? ц. 25 к.

Книгопродавцамъ обычная скидка.

Складъ изданій книгоиздательства Е. Д. Мягкова „Народная Мысль“.

Отдѣленіе склада: Въ Москвѣ при книгоиздательствѣ Е. Д. Мягкова «Народная Мысль», Моховая, д. 24, кв. 15.

Адресъ для тел.: Москва—Издатель тел. 109—31.

